

Ариша "без крыши" и барон "на обгон"

Елена Аркадьева

Елена Аркадьева

Ариша "без крыши" и барон "на обгон"

<https://litres.ru/74469294>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь зла - это я уже точно знаю! Как быть, если тебе не посчастливилось влюбиться в такого же отчаянного авторомантика, как ты сама? Но он видит во мне лишь паренька-механика, в которого пришлось в спешке перевоплощаться, сбегая в город от разгневанной мачехи.

Боже мой, в какую нелепую историю я умудрилась попасть, провалившись сквозь время после ссоры с режиссером на съемочной площадке, где, как каскадер с уникальным стажем, выполняла наисложнейшие трюки и, не справившись в итоге с управлением собственного мотоцикла, оказалась в другой исторической реальности.

И сейчас мне предстоит сделать выбор: испытать удачу и признаться во всем своему возлюбленному, чтобы наконец, обрести пресловутое женское счастье, или продолжать быть его подручным, чтобы не потерять возможность просто быть рядом с ним...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4.	17
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	68
Глава 14	74
Глава 15	80
Глава 16	87
Глава 17	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Елена Аркадьева

Ариша "без крыши" и барон "на обгон"

Глава 1

Двигатель еще вибрировал между бедер, когда я стащи-
ла шлем. Воздух после бешеной гонки показался лишенным
свежести. В ушах звенела тишина, сменившая рев мотоцик-
ла, и я с наслаждением прикрыла глаза, чувствуя, как мыш-
цы спины медленно отпускает стальная хватка адреналина.
Трюк был чистым золотом. Я сделала это, и сделала идеаль-
но.

Я спрыгнула с седла, и колени на мгновение подломились
— привычная слабость после перегрузки. Пальцы все еще
чуть подрагивали, но в груди разрасталось теплое чувство
победы.

Хорошо! Как же, черт возьми, это было хорошо!

Я уже собиралась отойти к трейлеру, стягивая перчатки
зубами, как вдруг услышала знакомый капризный голосок.
Он сочился ядом, но яд этот был дешевым, как духи из под-
земного перехода.

— Я требую переснять эпизод, — сказала «главная геро-

иня». — В этом кадре я выгляжу отвратительно. Совсем не сексуально.

Я замерла, так и не вытащив перчатку изо рта. Они стояли у монитора — Лина, эта двадцатилетняя «звезда» с губами, накачанными силиконом, и наш режиссер Рома.

— Ну, посмотри сам, — она ткнула пальцем в экран, где еще дымился след от моей резины. — Это же не я. У этой старухи нет ни задницы, ни груди. Тело — доска. Моя попа в кадре смотрится как плоский блин. Это провал.

Она говорила обо мне.

Обо мне?!

Я стояла в десяти шагах, пропахшая бензином и потом, с царапиной на скуле, которую даже не заметила, пока шла. «Старуха»? Мне сорок пять. Я начала делать трюки, когда она еще под стол пешком ходила.

— Нужно подложить мне что-нибудь под костюм, — продолжала эта кукла, капризно надувая губы. — Ну, хоть подушки. Чтобы попа была видна. Чтобы кадр смотрелся дорого. А эта... ну ты понимаешь.

Рома кивнул. Он даже не посмотрел в мою сторону.

— Да, Лин, я понял. Действительно, нужно исправить. Завтра переснимем сцену.

Переснимем?

Я сжала перчатку так, что хрустнула кожа. Сцена, где я рисковала шеей. Где я входила в поворот на скорости сто двадцать, сантиметр от асфальта. Где я сделала это. А теперь

ее будут «исправлять», потому что какой-то бездарной девице не нравится, что у настоящего тела нет силиконовых подушек?

Я шагнула вперед. Голос мой прозвучал, надеюсь, достаточно жестко:

— Я не буду переснимать этот кадр. Тем более — с подложенными в штаны подушками. Ты слышишь, Рома? Я пришла сюда делать свою работу. Настоящую. А не цирк с жирными задницами.

Лина обернулась. Ее глаза сузились, и на миг в них мелькнул страх. Она не ожидала, что я услышу.

— Ах, вот как? — она скрестила руки на груди. — Тогда мы найдем другую. Молодую! Которая умеет не только мотоцикл водить, но и выглядеть в кадре достойно. А вас останется только уволить, и дело с концом.

Она сказала это с такой уверенностью, словно речь шла о выброшенном мусоре. Я почувствовала, как внутри поднимается глухая горячая волна. Не обида. Нет. Ярость. Та самая, что помогла мне выжить в трех авариях и одном падении с высоты.

Я сделала к ней шаг. Всего один шаг. Мой кожаный комбинезон угрожающе скрипнул.

Девушка испуганно отступила.

— Вы не сможете меня уволить, — мой голос сорвался на крик, в котором плескалась вся горечь этих лет. — Потому что я сама ухожу отсюда!

Слова ударились о стены и зазвенели в ушах на все лады. Я развернулась на каблуке, чувствуя, как адреналин снова врывается в кровь, только теперь это был не драйв трюка, а чистое белое бешенство. Я шла прочь от них, от монитора, от этой фальшивой истории, и с каждым шагом сбрасывала с себя их мир.

Мне было наплевать, что они там бормочут вслед. Я знала одно: я — не «старуха». Я — та, кто выживает. И ухожу я красиво. С гордо поднятой головой.

Глава 2

Ярость билась в висках тяжелыми молотами, и я почти ничего не видела перед собой, когда запрыгнула обратно на мотоцикл. Ноги сами нашли подножки, пальцы привычно сжали руль. Даже не надев шлем — к черту шлем, к черту всё! — я воткнула передачу и выкрутила ручку газа до упора.

Заднее колесо взвизгнуло, выплюнув облако резиновой пыли, и мотоцикл рванул с места, как зверь, которого спустили с цепи. Ветер хлестнул по лицу, выдувая из головы остатки здравого смысла. Прощай, площадка. Прощай, Рома с его лживыми глазами. Прощай, кукла Лина с её накачанными губами. Я улетала от них вперёд, туда, где только скорость могла залечить эту саднящую пустоту под ребрами.

Первые метры были чистым упоением. Я вжималась в бак, чувствуя, как вибрация мотора отдается в костях. Мимо неслись бетонные блоки, строительный мусор, хлопья пыли. Я неслась прочь, и это было единственное, что имело значение.

А потом руль дернулся.

Сначала я не придавала значения — списала на неровность асфальта. Но удар повторился, сильнее. И еще раз. Переднее колесо пошло юзом, и мотоцикл повело влево, будто кто-то гигантской рукой схватил его за заднее крыло и потянул в пропасть.

— Твою мать! — выдохнула я, изо всех сил пытаюсь вы-

ровнять траекторию.

Мышцы вздулись на руках, я вложила весь свой вес в руль, пытаюсь поймать ускользающий баланс. Но машина не слушалась. Она шла в разнос, и я чувствовала, как с каждой секундой теряю контроль. Подвеска хрустнула, и я поняла. Трюк не прошел даром — какая-то деталь не выдержала. Либо амортизатор, либо рама пошла трещиной.

Впереди, прямо на моей траектории, возникла группа людей. Рабочие с лопатами. Они застыли, глядя на меня распахнутыми ртами. Я не могла въехать в них. Не могла.

Рывок руля вправо. Тормоза визгнули, но только разогнали скольжение. Единственный путь оставался — бетонный парапет, а за ним... за ним чернела вода. Река. Далеко ли до неё? Метр? Два? Мне было все равно.

Я направила мотоцикл точно на парапет.

Удар был чудовищным. Переднее колесо взорвалось, меня перебросило через руль, и я полетела в пустоту, кувыркаясь в воздухе, как тряпичная кукла. Мир перевернулся — бетон, небо, вода, снова бетон. Тишина вдруг стала абсолютной, а потом ледяная вода ударила меня по всему телу, врываясь в легкие, в уши, в каждую клетку.

Я провалилась в темноту.

Сознание возвращалось рывками. Сначала — холод: лютый, пронизывающий до костей. Потом — тишина. Слишком тихо для оживленного города. Я открыла глаза, и в них

тут же защищало от речной мути.

Я вынырнула, хватая ртом воздух, и закашлялась, выплевывая воду. Длинные волосы облепили лицо, мешая смотреть. Я отбросила их мокрой рукой, удивляясь, как так быстро они успели отрасти, и обреченно огляделась.

Вокруг был лес. Настоящий глухой лес. Ветви деревьев нависали над водой, корни торчали из илистых берегов, как щупальца чудовищ. Вдалеке не было ни огней, ни трассы, ни бетонных коробок студии. Только темная вода и густая, тяжелая зелень.

Где я? Как я здесь оказалась? Течение? Меня унесло течением?

Я попыталась вспомнить, но в голове стучала только пульсирующая боль. Пальцы онемели. Я сделала несколько гребков, пытаюсь найти место, где можно выбраться на берег, но везде торчали колючие кусты и склизкая трава. Я покрутилась на месте, пытаюсь оценить обстановку, когда вдруг услышала голос.

Низкий. Спокойный. С легкой, ленивой хрипотцой.

— Зачем вы в этой луже топиться вздумали, барышня?

Я замерла, уставившись на берег. Там, на коряге, сидел мужик и держал в руке удочку. С виду обычный такой мужичок, только одет в какое-то историческое тряпье. Наверно, где-то поблизости коллеги-кинематографисты еще одну «нетленку» ваяют. На голове у дядьки выдавший виды картуз. И смотрел он на меня с искренним, почти философским

интересом.

— Бесперспективное предприятие, скажу я вам, — продолжил он, почесав заросший щетиной подбородок. — Вода нынче холодная, простудитесь еще. Да и рыба здесь мелкая, не уважают рыбаки это место. Так что вылазьте, матушка. Не дело это.

Я открыла рот, чтобы ответить, но из горла вырвался только хриплый смех. Я стояла в реке по грудь, мокрая, замерзшая, с разбитой губой и ссадинами по всему телу, а какой-то «левый» рыбак советовал мне не топиться в этой «луже».

— Я... не топилась... — выдавила я наконец, стуча зубами.

— Ага, — кивнул он, скептически прищурившись. — Конечно, не топились. Прямо в одежде купаться решили. Мода нынче такая, я смотрю?

Я снова хрипло рассмеялась. Слезы — или все же вода? — смешались на моем лице.

— Да пошло оно всё... — прошептала я, глядя в темное небо.

Мужик перевел на меня взгляд, вздохнул и, кряхтя, начал сматывать удочку.

— Ладно, барышня. Давайте руку. Вылазьте. У меня тут недалеко телега, сейчас в миг доедем до усадьбы.

Он протянул мне руку — широкую, мозолистую, с навсегда вьевшейся в кожу грязью. И я, неожиданно для себя, ухватила за нее, как за якорь в этом внезапно перевернув-

шемся мире.

Глава 3

Рука мужика оказалась на удивление крепкой. Он рванул меня на берег так легко, будто я весила не больше мешка с картошкой. Я вывалилась на мокрую траву, дрожа всем телом, и только тогда заметила, что он уже успел накинуть мне на плечи что-то тяжелое и шершавое. Старинный зипун? Или кафтан? Я не разбиралась в этих названиях, но ткань пахла пылью, травами и дымом. Деревенским, настоящим дымом, будто от печи, а не от выхлопной трубы.

— Пойдемте, барышня, — сказал он, подхватывая меня под локоть. — Ноги-то вас держат?

Я попробовала ступить и едва не рухнула лицом в грязь. Колени дрожали, в голове шумело. Мужик подхватил меня, удержал, и я, наконец, подняла голову, чтобы осмотреться.

Вокруг были сумерки. Густые, сиреневые, уже почти ночные. Но даже в этом скудном свете я поняла, что не узнаю места. Не было ни высоток, ни вышек сотовой связи, ни бетонных заборов. Только поле. Бескрайнее, уходящее в темноту поле, по которому вилась узкая дорога с глубокими колеями. В колеях стояла вода — видимо, недавно прошел дождь. И эти колеи были... странными. Не от шин. Слишком узкие, слишком глубокие, с четкими следами от обода.

Я перевела взгляд вперед и увидела телегу. Самую настоящую деревенскую телегу, запряженную старой, облезлой ло-

шадью. Лошадь стояла смирно, опустив голову, и только изредка взмахивала хвостом, отгоняя комаров.

— Садитесь, — сказал мужик, подсаживая меня. — Дорога не близкая, пешком застудитесь окончательно.

Я села на деревянную скамью, чувствуя, как каждую косточку пробивает дрожью от тряски. Телега качнулась, мужик забрался следом, чмокнул, и лошадь медленно, со скрипом побрела вперед.

Я сидела, вцепившись пальцами в край телеги, и смотрела по сторонам, пытаюсь найти хоть один знакомый ориентир. Но вместо фонарных столбов — только высокая трава. Вместо асфальта — глина, чавкающая под деревянными колесами. Вместо далеких огней города — чернота, лишь кое-где подсвеченная бледным серпом луны.

— Где мы? — спросила я, чувствуя, как голос срывается от холода и странного, липкого страха.

— Как где? — удивился мужик. — Домой едем. В усадьбу.

— Какую усадьбу?

Он покосился на меня с подозрением, но ничего не сказал. Только вздохнул и покачал головой, будто жалея убогую.

Мы ехали молча. Я пыталась собрать мысли в кучу, но они вновь разбегались в разные стороны. Авария. Река. Мотоцикл. И вдруг — телега, лошадь, поле. Я ударилась головой? У меня галлюцинации? Или...

Нет. Этого не может быть.

Вдалеке показался огонек. Сначала маленький, дрожа-

щий, как звезда, упавшая на землю. Потом еще один. И еще. Телега подъехала ближе, и я увидела дом. Нет, не дом. Самый настоящий дворянский особняк с колоннами, высокими окнами и тенистым садом, который начинался прямо у дороги.

— Ну, вот и дома, барышня, — с облегчением выдохнул мужик, натягивая вожжи.

Он слез с телеги и подошел ко мне, протягивая руку, чтобы помочь спуститься. Я спрыгнула сама, все еще не веря своим глазам. Особняк был настоящим. Я видела резные наличники на окнах, слышала, как где-то в глубине сада лает собака, чувствовала запах мокрой листвы и... щей. Из дома пахло щами.

— Только поостерегитесь, барышня, — сказал мужик полголоса, оглядываясь на освещенные окна. — Ваша мачеха сегодня всю лютовала. Агриппину розгами отчихвостила ни за что ни про что. А сестрица ваша сводная вообще не в духе — жених, слышь, что-то натворил. Так что вы уж тихонько, Бога ради.

Я замерла, глядя на него.

— Мачеха? — переспросила я, чувствуя, как внутри все холодеет еще сильнее, чем от речной воды. — Сестрица? Какая еще сестрица?

Мужик посмотрел на меня с жалостью.

— Да вы, видать, головой сильно приложились, барышня. Ну, ничего, отлежитесь, отойдете. Пойдемте, я вас к заднему

крыльцу проведу, чтобы не шуметь.

Он зашагал вперед, и я, как во сне, двинулась за ним. В голове билась только одна мысль, пульсировала, как открытая рана: я попала в прошлое. И в этом прошлом у меня есть мачеха и сестрица — злые персонажи из страшной сказки, которую я когда-то читала в детстве.

Но сказки ли?

Я остановилась, глядя на темные окна особняка. Где-то внутри, за этими стенами, меня ждали розги, злые языки и чужая, незнакомая жизнь.

— Ну что вы стали? — позвал мужик из темноты. — Идемте, барышня. Ночь на дворе, не ровен час, простынете до смерти.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как холодный воздух обжигает легкие, и шагнула за ним. В новую жизнь. В чужую эпоху. В страшную сказку, из которой, кажется, уже не выбраться.

Глава 4.

Дядька провел меня через темный коридор, пахнувший прелыми овощами и квашеной капустой. Мы петляли между кадками и мешками, спотыкаясь о кочерги и ухваты, пока он вдруг не остановился и не поскребся в низкую дверь.

— Глаша! — позвал он шепотом, но в тишине дома его голос прозвучал как раскат грома. — Глаша, отвори! Барышню твою привел!

Дверь приоткрылась, и в щель выглянуло круглое веснушчатое лицо с большими испуганными глазами. Девчонка лет семнадцати, в холщовом платье и с косой, перекинутой через плечо, ахнула и распахнула дверь настежь.

— Барышня! — воскликнула она, и в голосе ее было столько искренней тревоги, что у меня кольнуло сердце. — Господи, где ж вас носило? Я уж обыскалась! На вас лица нет, вся мокрая... Сейчас, сейчас, барышня.

Она засуетилась вокруг меня, отесняя мужичка плечом, и я почувствовала, как меня ведут куда-то дальше, вверх по скрипучей лестнице, по узкому коридору, мимо темных дверей, из-за которых не доносилось ни звука.

— Тише, барышня, тише, — шептала Глаша, толкая плечом очередную дверь. — Сейчас переоденемся, я чайку согрею, выпитесь, и все наладится.

Я вошла в комнату и замерла. Это была настоящая камор-

ка. Маленькая, узкая, с низким потолком, но чистая. Кровать под кружевным покрывалом, деревянный стол с раковиной, свечной огарок в подсвечнике. И больше ничего. Ни телефона, ни лампы, ни даже розетки.

Глаша уже хлопотала вокруг меня, стягивая с плеч мокрый зипун.

— Ой, барышня, что ж вы в таком виде? — причитала она. — Где ж вас угораздило? Говорила же я вам, не ходите к омуту вечером, там нечисто... А вы...

— Глаша, — перебила я, и мой голос прозвучал хрипло, будто я до этого очень много курила. — Сколько времени?

— Да уж за полночь, барышня. Вторые петухи скоро запоют.

Я закрыла глаза. За полночь. Двадцать первый век остался где-то за полночью. И, кажется, безвозвратно.

Глаша натянула на меня чистую сорочку из грубого, но приятного на ощупь льна, укутала в пуховый платок, усадила на кровать. Я позволила себя переставлять, как куклу, - сил не осталось даже на вопросы.

— Сейчас, барышня, сейчас, — она сунула мне в руки кружку с чем-то горячим. — Выпейте, это малиновый взвар, он сил придает.

Я послушно глотнула — и правда, малина, мед и еще какие-то травы. Тепло разлилось по груди, и веки отяжелели так, что их невозможно было держать открытыми.

— Ложитесь, барышня, — девушка заботливо взбила по-

душку. — Я рядышком посижу, подожду, пока уснете.

Я опустила голову на потель, чувствуя, как проваливаюсь куда-то вязкое и темное. В глазах уже начало двоиться, когда дверь распахнулась с таким грохотом, что я подскочила на кровати, едва не опрокинув кружку.

На пороге стояла девица. Толстая, румяная, с грудью, выпирающей из корсажа так, что казалось, она сейчас лопнет по швам. На ней было дорогое платье: шелк, кружева, серьги в ушах сверкали даже при тусклом свете свечи. Она влетела в комнату, как разъяренная фурия, и уперла руки в бока.

— Ах ты дрянь! — заверещала она голосом, от которого заложило уши. — Ты еще смела явиться?! Я думала, ты издохла где-нибудь в канаве, а ты опять приперлась в усадьбу крутить своей тощей задницей перед моими женихами?!

Я моргнула, пытаюсь сфокусировать взгляд. Усталость накрыла меня такой тяжелой волной, что я едва понимала, что происходит.

— Вы кто? — спросила я сипло.

— Я кто? — взвизгнула толстуха, и лицо ее налилось свекольным румянцем. — Я твоя сестрица, вот кто! Сводная, но это не меняет дела! Ты, ничтожество, думала, что сможешь меня переплюнуть? Ну уж нет!

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как внутри поднимается глухое раздражение. Адреналин после аварии еще не выветрился, малиновый взвар не успел подействовать, а эта раскрашенная баба стояла передо мной и орала, как будто я бы-

ла ей что-то должна.

— Слушай, — сказала я, глядя ей прямо в глаза, тем тоном, которым обычно разгоняла пьяных статистов на площадке. — Иди в задницу. Я хочу спать.

Толстуха замерла. Глаза ее расширились, рот открылся, как у выброшенной на берег рыбы. Она явно не привыкла к таким ответам.

— Что-о-о? — прошипела она. — Ты мне — мне?! Да я тебя, ничтожество...

Она кинулась на меня. Без замаха, без подготовки — просто рванула вперед, целясь скрюченными пальцами мне в лицо. Я видела это как в замедленной съемке. Мои руки включились раньше, чем мозг успел отдать приказ.

Перехват за запястье. Рывок на себя, разворот корпуса, подсечка — и толстуха, заорав, грузно рухнула лицом в пол, прямо к моим босым ногам. Она попыталась вскочить, но я удерживала ее руку в замке, и каждое движение отдавалось ей болью.

— Пусти! — взвизгнула она, дергаясь. — Пусти, мерзавка!

Я разжала пальцы, и она откатилась к стене, тяжело дыша. Ее платье сбилось, прическа растрепалась, а в глазах плескался настоящий, животный страх.

— Выметайся, — сказала я устало, указывая на дверь.

Она вскочила, поправила корсаж и, бросив на меня полный ненависти взгляд, вылетела в коридор.

— Ты еще пожалеешь! — донеслось уже издалека. — Я маменьке все расскажу! Она с тебя шкуру спустит!

Я закрыла дверь и привалилась к ней спиной, чувствуя, как дрожат руки. Глаша смотрела на меня с ужасом и восхищением.

— Барышня... — выдохнула она. — Вы... вы ее... ну чисто французский борец!

— Ага, — кивнула я, падая на кровать. — Французский. Глаша, дай мне поспать. Хотя бы пару часов.

— Но барышня, маменька же... — попыталась возразить горничная.

— Плевать, — я натянула одеяло до подбородка. — Я сегодня падала с мотоцикла, тонула, очнулась в прошлом веке, придушила драконшу, которая называет себя моей сестрой, и выпила малиновый взвар. Я заслужила отдых.

Глаша промолчала, но я чувствовала, что она все еще стоит рядом, будто охраняя мой сон. Я закрыла глаза, и в этот момент дверь снова распахнулась.

На этот раз без грохота. Без истеричного визга. Просто отворилась, и в комнату шагнула женщина.

Высокая, статная, в темном бархатном платье, с седой прядью в темных волосах и глазами такими холодными, что мне показалось: комната стала ледяной. Она стояла на пороге, скрестив руки на груди, и смотрела на меня с выражением, которое не сулило ничего хорошего.

— Доброй ночи, Арина Федоровна, — проговорила она

голосом, в котором не было ни капли доброты. — Я слышала, ты хорошо провела вечер?

Я села на кровати, чувствуя, как сердце снова начинает бешено колотиться. Итак, теперь значит мачеха?

Похоже, ночь только начинается!

Глава 5

Мачеха стояла на пороге, как статуя командора из старой пьесы. Высокая, с прямой спиной, с тонкими пальцами, сложенными на груди, — она вся была воплощением ледяного величия. И когда она заговорила, каждое слово падало в тишину комнаты, как камень в стоячую воду.

— Я наслышана о твоих похождениях, — произнесла она медленно, с расстановкой. — Мало того, что ты пропадаешь неизвестно где до полуночи, являешься в мокром виде, как последняя крестьянка, так ты еще и руку поднимаешь на родную сестру. Неблагодарная дрянь.

Я молчала, сверля её взглядом. Усталость накрывала с головой, но адреналин всё еще гулял в крови, не давая провалиться в сон.

— Если ты и дальше будешь вести себя неподобающим образом, — продолжала мачеха, и голос её зазвенел, как натянутая струна, — если я ещё раз замечу, что ты строишь глазки женихам твоей сестрицы, тебя ждет монашеский скит. Будешь замаливать грехи до самой старости. Там у тебя не будет возможности позорить нашу семью.

Я смотрела на неё, и где-то в глубине уставшего сознания зацепилась одна странная деталь.

— Почему женихам? — спросила я, приподнимая бровь. — Почему во множественном числе? Разве у вас здесь по-

лигамия?

Мачеха от моей наглости открыла рот. На её лице мелькнуло такое искреннее недоумение, что я на мгновение даже забыла о том, как сильно хочу спать. Она явно не ожидала такого вопроса. Её холодное величие дало трещину, и она застыла, не находя слов.

Я почти улыбнулась.

Но тут дверь снова распахнулась, и в комнату ворвалась моя новоявленная сестрица. В руках у неё было ведро. Обычное такое цинковое ведро, из которого торчала деревянная палка, и от которого разило так, что у меня защипало в носу. Так пахнет только дёготь — густой, вонючий, липкий, которым мажут колеса телег.

Я не успела даже среагировать. Толстуха взмахнула ведром, и в лицо мне полетела чёрная, вязкая жижа. Я рефлексивно закрылась руками, но волосы — мои длинные, ещё влажные после реки волосы — приняли на себя основной удар. Дёготь потек по лицу, по шее, заливая сорочку, и запах ударил такой, что меня едва не вываротило.

— Вот теперь ты точно будешь никому не нужна, — прошипела толстуха, отступая к двери, где стояла мачеха, смотревшая на это с ледяным одобрением. — Будешь теперь ходить обритая, как каторжница!

Я замерла. Всё внутри — сначала онемело, а потом взорвалось. Ярость — чистая, белая, ослепляющая — поднялась откуда-то из самых глубин, смывая усталость, боль и

растерянность.

Я встала.

Медленно. Очень медленно. С таким спокойствием, которое бывает только перед самой страшной бурей.

— Значит так, — сказала я, и голос мой звучал глухо, как из бочки. — Играем по-крупному?

Я сделала шаг вперёд. Толстуха попятилась, но я уже схватила ведро, которое она выронила, выдернула оставшуюся в нём палку и, к моему удивлению, обнаружила, что внутри ещё плещется добрая половина чёрной жижи.

— Вы, дамы, наверное, забыли, — проговорила я, приближаясь к ним с ведром в руке, — что в этой жизни нужно отвечать за свои поступки.

Мачеха попыталась сохранить лицо.

— Ты не посмее...

Я посмела.

Взмах — и первая порция дёгтя легла на идеально уложенные волосы мачехи. Она взвизгнула — нечеловечески, пронзительно — и отшатнулась, но было поздно. Чёрная жижа уже стекала по её лицу, по бархатному платью, заливала кружевной воротник.

Толстуха попыталась выбежать за дверь, но я схватила её за руку, дёрнула на себя — и остатки дёгтя выплеснулись прямо ей на голову, затекая под корсаж, капая с ресниц.

— Это, — сказала я, ставя пустое ведро на пол, — однозначно улучшит рост ваших волос. Поверьте моему опыту.

Укрепляет луковицы, придаёт блеск и объём. Пользуйтесь на здоровье.

Я вытерла руки о мокрую сорочку, чувствуя, как липкая гадость всё ещё стекает по моей собственной голове, но мне было плевать. Мне было настолько плевать, что я готова была хоть сейчас идти к реке и мыть голову песком, лишь бы ещё раз увидеть их лица.

Мачеха стояла, вытянувшись в струну, с дёгтем, капающим с подбородка, и смотрела на меня с такой ненавистью, что я физически ощутила её, как холодный ветер.

— Ты ответишь за это, — прошептала она. — Ты ответишь за всё.

— Обязательно, — кивнула я, открывая перед ними дверь. — Завтра. После завтрака. Приходите со своими жалобами, когда я выплусь. А сейчас — вон из моей комнаты. Обе.

Они вылетели в коридор, толкаясь плечами, и я захлопнула дверь, повернула ключ в замке и обессилено прислонилась к косяку.

Глаша всё это время сидела в углу, закрыв лицо руками — то ли от ужаса, то ли чтобы не рассмеяться. Когда дверь захлопнулась, она подняла голову, и глаза её блестели.

— Барышня... — выдохнула она. — Вы... вы их... Вот это да...

— Глаша, — сказала я, чувствуя, как дёготь засыхает на коже, стягивая её. — У вас здесь есть керосин? Или скипи-

дар? Или чем вы эту гадость отмываете?

— Есть, барышня, есть! — закивала она. — Я мигом!

Она выбежала, а я осталась стоять посреди комнаты — в липкой одежде, с чёрными, слипшимися волосами, в чужом времени и в чужой жизни — и впервые за весь этот безумный вечер почувствовала, что, кажется, готова к тому, что будет дальше.

Глава 6

Я ещё не успела осознать, что натворила, а дом уже гудел, как растревоженный улей.

Крики мачехи пробивались сквозь стены, сквозь половицы, сквозь саму древесину. Она не просто кричала — она выла. Так, наверное, воют раненые звери, загнанные в угол. Но в этом вое слышалась не боль, а ярость — чистая, первобытная, готовая сжечь всё вокруг дотла.

— ЛОМАЙТЕ ДВЕРЬ! — донеслось снизу. — КРЮЧЬЯ НЕСИТЕ, ТОПОРЫ! Я ЭТУ МЕРЗАВКУ СВОИМИ РУКАМИ УДАВЛЮ!

Я стояла посреди комнаты, всё ещё в липкой, пропахшей дёгтем сорочке, и чувствовала, как по спине бегут мурашки. В моём времени я привыкла к дракам, к трюкам, к риску. Но там был реквизит, каскадёры, страховка. А здесь была настоящая, неприкрытая ненависть, которая могла закончиться чем угодно.

— Барышня! — Глаша влетела в комнату, бледная как полотно, сжимая в руках какой-то узелок. — Бегите! Скорее! Барыня сейчас сюда людей пришлёт, они дверь вынесут! Она в бешенстве, она вас убьёт, ей теперь ничего не стоит!

— Куда я побегу? — выдохнула я, чувствуя, как паника сжимает горло. — Я здесь никого не знаю, я местности не знаю...

— К няньке Нюре! — перебила Глаша, хватая меня за руку. — Она в лесу живёт, в сторожке. Она старая, её все боются, к ней барыня не сунется. Она вас спрячет! А завтра видно будет!

— Я не знаю, где она живёт! Я вообще не знаю, где я!

— Кирюха проводит! — Глаша метнулась к окну, распахнула ставни и свистнула — пронзительно, по-мальчишечьи. — Он шустрый, он все тропы знает. Бегом, барышня, бегом!

Через минуту я уже спускалась по чёрной лестнице, накинув на плечи Глашин тулуп, который пах овчиной и дымом. Внизу, в сенях, меня ждал мальчишка — лет двенадцати, вихрастый, с живыми, бегающими глазами и босыми ногами, перепачканными в грязи.

— Кирюха, — выдохнула Глаша, суя ему в руку краюху хлеба и горсть медяков. — Барышню к Нюре проводишь! Живо! Чтоб духу вашего тут не было!

Мальчишка кивнул, схватил меня за руку и потащил за собой в темноту.

Мы бежали через сад, перелезали через поваленные деревья, продирались сквозь кусты, и ветки хлестали по лицу, оставляя мокрые следы. Позади, сквозь шум в ушах, я слышала, как в доме что-то грохочет, кто-то орёт, лают собаки. Погоня? Или просто суматоха? Я не знала и просто продолжала бежать.

Лес принял нас сразу — тёмный, густой, пахнувший прелыми листьями и сыростью. Кирюха петлял между деревья-

ми так уверенно, будто видел в темноте, и я, спотыкаясь и задыхаясь, тащи́лась за ним, хватая ртом холодный воздух.

Наконец, в самой чаще, где даже лунный свет с трудом пробивался сквозь кроны, показался доми́к: маленький, покосившийся, с кривой трубой и подслеповатым окошком, в котором теплился жёлтый огонёк.

Кирюха постучал — три раза коротко, два раза длинно. Дверь приоткрылась, и я увидела лицо старухи. Она была маленькая, сухонькая, с морщинистым, как печёное яблоко, лицом, но глаза у неё были живые, острые, цепкие. Она окинула меня взглядом с ног до головы и усмехнулась беззубым ртом.

— Ай да девица, ай да баловница, — покачала она головой, отступая в сторону. — Заходи. Сказывай, что натворила.

Я ввалилась внутрь и в двух словах, сбивчиво и хрипло, рассказала ей всё. Про аварию. Про реку. Про телегу. Про мачеху и сестрицу. Про дёготь.

Нюра слушала молча, не перебивая, только качала головой и покусывала сухие губы. Когда я закончила, она тяжело вздохнула, поднялась с лавки и подошла к печи, где висели связки сушёных трав.

— Да, натворила ты дел, девонька, — сказала она, не оборачиваясь. — Такой скандал подняла, что теперь тебе в усадьбе житья не будет. Мачеха тебя со свету сживёт, это уж как пить дать.

— И что мне делать? — спросила я, чувствуя, как отчаяние снова накатывает на меня ледяной волной.

Нюра обернулась, и в её глазах мелькнуло что-то озорное, почти молодое.

— В город тебе надо, девонька. Подальше отсюда. В губернию, а может, и в столицу. Там люди теряются — там и ты схоронишься.

— В город? — выдохнула я, и в груди впервые за этот вечер шевельнулся слабый огонёк надежды. — Да, в город! Я согласна! Хоть сейчас!

— Сейчас и пойдёшь, — кивнула Нюра. — Только в своём обличье нельзя. Мало ли кто по дороге встретится. Да и в городе бабу без роду, без племени быстро скрутят да в рабочий дом определяют. А то и того хуже.

Она подошла к сундуку, подняла тяжёлую крышку и принялась рыться внутри, бормоча что-то себе под нос.

— Ты у нас щупленькая, в формы ещё не вошла, — сказала она, вытаскивая свёрток серого сукна. — Так что сойдёшь за паренька на первое время. А волосы...

Она посмотрела на мои длинные, всё ещё липкие от дёгтя волосы и покачала головой.

— Волосы всё равно брить придётся. Дёготь просто так не отмоешь, а обрить — оно и проще, и надёжнее. Под мальчишку-то.

Я закрыла глаза. Волосы я никогда не считала своей женской силой. Обычно и так ходила с короткой стрижкой, что-

бы проще было гримироваться под главных героинь, напяливая парики разных мастей, и сейчас, глядя на то, в каком они состоянии, я понимала — Нюра права.

— Брейте, — сказала я, и голос мой не дрогнул.

Нюра кивнула, взяла с полки тусклый ножничек и принялась за дело. Она стригла молча, сосредоточенно, и я смотрела, как русые пряди падают на земляной пол, как они выются, теряя форму, как становятся чужими. Когда она закончила, я провела ладонью по голове и почувствовала жёсткий, колючий ёжик.

— Ну вот, — сказала Нюра, оглядывая меня. — Теперь ты у нас паренёк. Погоди, я тебе одёжку дам.

Она вытащила из сундука серые портки, холщовую рубашу, драный зипун и выдавшие виды сапоги — стоптанные, в заплатках, но ещё крепкие.

Они были великоваты, но я натянула их, подпоясалась верёвкой и посмотрела на себя в мутное окошко. Из стекла на меня глядел тощий, чумазый парнишка с колючими глазами и торчащими ушами.

— Сойдёт, — сказала Нюра. — Примелькаешься.

Она подошла к комоду, достала кошель и отсчитала десять медяков — маленьких, потёртых, с неразличимым гербом.

— Вот, всё, что есть, девонька. Бери. В дороге пригодится.

— Нюра... — начала я, чувствуя, как в горле застревает ком.

— Цыц, — оборвала она. — Не реви. Не бабье дело сейчас

слёзы лить. Ты теперь парень. А парни не плачут.

Она перекрестила меня, прикоснулась сухими пальцами к моему лбу и прошептала что-то — то ли молитву, то ли заговор.

— Ступай, — сказала она, открывая дверь в ночь. — Кирюха тебя до землянки доведёт, там и заночуешь. А завтра, чуть свет, выходите на тракт. Там до города рукой подать — версты три, не больше.

— Я запомню, — сказала я. — Я вернусь и верну тебе эти деньги.

— Не надо, — усмехнулась Нюра. — Ты главное — вернись сама.

И я шагнула в темноту.

Лес встретил меня тишиной и холодом. Кирюха шёл впереди, бесшумно ступая босыми ногами по мокрой тропе, и я шла за ним, чувствуя, как чужая одежда трёт кожу, как ветер холодит обритую голову, как в груди бьётся странное, пугающее и пьянящее чувство.

Я была одна. Без имени, без денег, без прошлого.

Впереди — только ночь и тракт. А за ними — город, в котором я должна была начать всё сначала.

И, как ни странно, впервые за весь этот безумный вечер я почувствовала почти... счастье.

Глава 7

Я проснулась от того, что стало холодно. Холод пробирался сквозь щели в землянке, сквозь драный зипун, сквозь солону, на которой мы спали. Но в груди горело странное, тёплое чувство — я выпалась. Впервые за сутки я спала по-настоящему, без кошмаров, без тревоги, без ощущения, что я чужая в этом мире.

Кирюха уже возился у очага, раздувая угли. Он обернулся, увидел, что я открыла глаза, и широко улыбнулся — щербато, по-детски.

— А вы, барышня... то бишь, Мишка, — поправился он, — спите как убитая. Я уж думал, вы до обеда проваляетесь.

— Мишка? — хрипло переспросила я, садясь и проводя рукой по колючей голове.

— Ну да, — Кирюха пожал плечами. — Нюра сказала, вас теперь Михаилом звать. А то Арина — оно по-бабьи, сразу спалитесь.

Я усмехнулась. Михаил — звучит почти солидно.

— Ладно, Мишка так Мишка. Есть чего пожевать?

Кирюха протянул мне краюху хлеба и кусок сала, завёрнутый в тряпицу. Я ела жадно, почти не жуя, и чувствовала, как силы возвращаются в тело. С каждым глотком воздуха, с каждым куском еды я становилась увереннее. Я справлюсь. Я должна справиться.

Мы выбрались из землянки, когда солнце уже поднялось над лесом, разгоняя туман. Воздух был свежий, звонкий, пахло сосной и утренней росой. Где-то вдалеке пела птица, и от этого пения на душе становилось легко и тревожно одновременно.

— Тракт там, — Кирюха махнул рукой на восток. — Верста, не больше. А там, глядишь, кто подвезёт.

Мы вышли на тракт, когда солнце уже припекало плечи. Дорога была пустынной — только пыль, прибитая ночной росой, да следы колёс. Я уже начала думать, что придётся топать пешком всю дорогу, когда сзади послышался цокот копыт и скрип колёс.

Почтовая карета: старая, обшарпанная, но на ходу. Кучер — мужик лет пятидесяти с прокуренными усами и добрыми, уставшими глазами — притормозил, оглядывая нас с Кирюхой.

— Куда путь держите, огольцы? — спросил он, сплёвывая шелуху от семечек.

— В город, дядька, — бойко ответил Кирюха. — На заработки. У нас мамка заболела, лечить надо.

Я мысленно похвалила паренька. Легенду он сочинил на ходу, и звучало очень убедительно.

Кучер покряхтел, почесал бороду и махнул рукой:

— Залазьте на козлы. Местов нет, но на козлах потерпите. Довезу до города, там сами разберётесь.

Я не заставила просить дважды. Мы с Кирюхой забрались

на козлы, я пристроилась рядом с кучером, вцепившись в поручень, и карета тронулась.

Ехали молча. Ветер бил в лицо, раздувал рубаху, и я чувствовала себя почти свободной. Почти счастливой. Дорога петляла между полей, где уже колосилась рожь, и на душе было так спокойно, как не было давно.

Неожиданно мимо нас с рёвом и треском пронеслась машина.

Я подскочила на месте, едва не свалившись с козел. Сердце пропустило удар. Машина?! Настоящий автомобиль?! Он был чёрным, лакированным, с огромными спицованными колёсами и медной фарой, которая блестела на солнце. Он пронёсся мимо нас, обдав пылью и запахом бензина, а затем умчался вперёд, подпрыгивая на ухабах.

— Машина? — выдохнула я, глядя вслед удаляющемуся экипажу. — У вас тут есть машины?!

— Да, барины гоняют, — проворчал кучер, дёргая вожжи. — Житья от них нет, только лошадей пугают. Дымят, тарахтят, а проку — чуть что, и встали колом. А лошадка — она верная, она не подведёт.

Я слушала его вполуха, но мысли мои были уже там, впереди, вместе с этим чёрным чудом техники. Машины! Если здесь есть машины, значит, этот мир не такой уж отсталый. Значит, здесь есть прогресс, технологии, электричество. Может быть, даже заводы. Может быть, я смогу найти себя здесь быстрее, чем думала.

Мы въехали в город, когда колокола на соборе пробили полдень. Кучер высадил нас недалеко от центральной площади — шумной, многолюдной, с лавками, торговыми рядами и вывесками, которые пестрели надписями.

— Спасибо, дядька! — крикнул Кирюха, а я поклонилась кучеру, чувствуя искреннюю благодарность.

— Бывайте, огольцы, — махнул он рукой и тронул лошадей.

Мы пошли по площади, глаза по сторонам. Я ловила на себе взгляды — но не тревожные, а равнодушные. Никто не всматривался в лицо оборванного мальчишки. Я была невидимкой. И это было прекрасно.

А потом я увидела её. Чёрную, лакированную, с медной фарой. Ту самую машину, что обогнала нас на тракте. Она стояла на углу улицы, и вокруг неё суетился мужчина в кепке и засаленном комбинезоне — шофёр. Он копался в моторе, что-то бормотал, пинал колесо и разводил руками.

Рядом с ним, прислонившись к стене, стоял молодой человек в дорогом костюме — светлый сюртук, белоснежная рубашка, отутюженные брюки. Он держал в руках трубку и с лёгкой усмешкой наблюдал за мучениями шофёра. Видимо, хозяин.

Я не выдержала. Любопытство пересилило осторожность. Я подошла ближе, чувствуя, как сердце колотится от волнения. Машина. Настоящая машина. Я стояла рядом с ней, вдыхала запах бензина и горячего металла и чувствовала,

как по телу разливается странное возбуждение.

— Знаешь, почему встал-то? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал по-мальчишески грубо.

Шофёр обернулся. Лицо у него было красное, потное, злое.

— А тебе чего, оглоед? — рявкнул он. — Шёл бы отсюда, пока цел! Не видишь — люди делом заняты!

Я не обиделась. Я шагнула вперёд, обогнула его и заглянула под капот.

Карбюратор. Старый, механический, но принцип я знала. Я провела рукой по патрубкам, нащупала ослабший хомут, проверила подачу топлива. Всё было просто. До смешного просто.

— Засорилась жиклёрная игла, — сказала я, не оборачиваясь. — И хомут ослаб. Воздух подсасывает.

Шофёр замер с открытым ртом.

— Чего? — переспросил он растерянно.

Я уже не слушала. Я поковырялась в моторе, подтянула хомут, продула жиклёр — грязь вылетела чёрной струйкой. Я вытерла руки о штаны и обернулась к шофёру.

— Теперь заводи, — сказала я.

Шофёр смотрел на меня так, будто я вырастила вторую голову. Но он сел за руль, покрутил рукоятку, и — о чудо! — мотор чихнул, кашлянул и затарахтел ровно, уверенно.

Лицо шофёра вытянулось от изумления.

— Ну, ё-моё... — выдохнул он. — А ты, парень, и впрямь

толк знаешь! Откуда?

— По книжкам учился, — усмехнулась я, отряхивая руки.

И только тут я заметила, что молодой человек в дорогом костюме больше не смотрит на машину. Он смотрит на меня: в упор, с интересом.

Он стоял, прислонившись плечом к стене, и в глазах его — серых, холодных, но с искоркой любопытства — читалось что-то особенное, от чего по спине пробежал неприятный холодок.

Он видел всё, что здесь сейчас произошло.

И его взгляд говорил: «А ты, мальчик, не так прост, как кажешься».

Глава 8

Я стояла и смотрела на этого щёголя: на его руки — тонкие, но уверенные, на красивое благородное лицо с ямочкой на подбородке и мое сердце ухнуло куда-то вниз. Боже, ну зачем я во все это влезла? Зачем я вообще подошла к этой машине? Я должна молча прятаться и быть незаметной. А вместо этого я выпендрилась перед шофером, как последняя дурында.

— Значит, книжки, — сказал он. Голос у него был низкий, спокойный, и от этого спокойствия мне стало не по себе. — Забавно. В нашей губернии, знаешь ли, книжек про устройство автомобилей днем с огнем не сыщешь.

— Ну, так я не из вашей губернии, — буркнула я, стараюсь, чтобы голос звучал грубее.

— А откуда же?

— Из дальних краёв. Там и книги есть, и люди поумнее будут.

Он хмыкнул — не обиженно, а скорее одобрительно, спрятал трубку в карман, отлепился от стены и подошел ближе.

— Слушай, парень. У меня есть к тебе предложение.

— Какое?

— У меня в усадьбе стоит еще одна машина. Новее этой. Местные умельцы с ней уже месяц бьются — никак. Из сто-

лицы механика жду, но он задерживается. Если ты сможешь на нее взглянуть, то я хорошо заплачу.

— А если не смогу?

— Тогда я хотя бы буду знать, что и здесь умельцев нет. Рискнешь?

— Только с братом, — сказала я, кивнув на Кирюху, который стоял в стороне и таращился на машину с разинутым ртом.

— Договорились. Забирайтесь.

Он открыл дверцу автомобиля — плавно, с легким поклоном, как перед дамой. И я вдруг поймала себя на мысли, что смотрит он не просто на меня, а сквозь меня, будто пытается разгадать загадку.

Я забралась на сиденье. Настоящая кожа, пахнувшая дорого и чуть-чуть пылью. Кирюха плюхнулся рядом, вцепился в сиденье и замер с открытым ртом. Шофер сел за руль, барин — напротив нас, достал новую папиросу и закурил, глядя в окно.

Мы поехали.

Город мелькал за окнами: каменные особняки, лавки, прохожие в картузах и шляпках, бабы с корзинами, гимназисты в форме. Все это было похоже на театральную декорацию. Я ехала в настоящей машине, в начале двадцатого века, в одежде мальчишки, с двенадцатилетним беспризорником под боком — и чувствовала, как внутри поднимается странная, почти запретная радость.

Кареты — это прошлое. Машины — это будущее. И я оказалась здесь, чтобы подтолкнуть его.

Усадьба появилась внезапно. Мы выехали из города, проехали березовую рощу, и вдруг за поворотом открылся вид: парк, пруд, белокаменный дом с колоннами, широкая подъездная аллея. Все это выглядело величественно, красиво и... очень дорого.

Я смотрела на усадьбу и подумала: «Боже, в какой же сказке я оказалась?»

Но настоящая сказка ждала меня впереди.

Гараж.

Он стоял отдельно от дома, чуть в стороне, за чугунными воротами. Барин открыл их сам — ключом, который достал из кармана. И когда створки распахнулись, я забыла, как дышать.

Внутри было светло. Огромные окна, электрические лампы под потолком — электрические! — и каменный пол. А посередине, как экспонат в музее, стоял автомобиль.

Он был другого цвета — темно-синий, с блестящими никелированными деталями, с длинным капотом и большими фарами. Рядом с ним валялись ключи, тряпки, пустые масляные банки, какие-то железки. Запах бензина и масла смешивался с запахом старого дерева и пыли. И это был самый прекрасный запах в мире.

— Вот, — сказал барин, останавливаясь рядом со мной. — Мерседес. 1908 год. Заводская новинка. Механики из го-

рода говорят, что у него душа умерла. А я говорю — его просто никто не пробовал лечить как следует.

Я медленно обошла машину. Провела рукой по капоту. Заглянула под шасси. Черт, я не была профессиональным механиком, но я выросла в гараже отца, который собирал старые автомобили. Я знала их. Я чувствовала их.

— Ну? — спросил барин.

— Карбюратор забит, — сказала я, наклоняясь над мотором. — И проводка местами перетерлась. Я вижу еще пару проблем, но есть одна... она глубже. Ее надо искать.

Барин подошел ближе. Я чувствовала его взгляд на своем затылке, на своей обритой голове, на худых плечах. Он смотрел на меня не так, как на мальчишку. Он смотрел с любопытством. С уважением.

— Сколько тебе нужно времени? — спросил он.

— Неделя, — сказала я, выпрямляясь. — Если я не почищу ее за неделю, значит, я не тот, за кого себя выдаю. И ты, барин, ничего не теряешь.

— А если починишь?

— Тогда договоримся о награде. Условия обговорим потом.

Он улыбнулся. Чуть заметно, но в этой улыбке я увидела что-то, от чего у меня похолодело внутри. Не опасность. Нет. Скорее триумф охотника, который нашел дичь.

— Твоя взяла, — сказал он, протягивая руку. — По рукам?

Я пожалала его руку. Ладонь у него была сухая, твердая, и я вдруг остро ощутила, какие у меня маленькие и тонкие пальцы по сравнению с его лапищей.

— Комната для тебя и брата при гараже, — сказал он, кивая в сторону двери в торце. — Там есть кровати, печка, стол. Еду будет приносить кухарка. Инструменты — вот они, бери любые. И если тебе что-то понадобится — говори моему управляющему или вот ему, — кивнул он на шофера. — Андрей, проводи парней.

— Слушаюсь, барин, — козырнул шофер.

Барин уже пошел к выходу, но на пороге остановился и обернулся.

— Кстати, меня зовут Дмитрий Ильич, — сказал он. — Для посторонних — барин. Но раз уж мы теперь коллеги... можешь звать меня просто по имени.

— Михаил, — соврала я, глядя ему прямо в глаза.

— Приятно познакомиться, Михаил. Работай.

Он вышел, и дверь за ним закрылась.

Я выдохнула. Вытерла пот со лба. Кирюха все это время стоял молча у стены, а теперь подбежал ко мне и зашептал:

— Мишка! Ты чего! Ты ж... ты ж девка! А он — барин! Он узнает — и что тогда? Нас по этапу отправят!

— Не узнает, — сказала я твердо. — Если ты не проболтаешься. Идем, брат, смотреть на наши хоромы.

Мы пошли в комнату. Она была крошечной — печка, стол, две койки, застеленные серыми одеялами. Но здесь бы-

ло чисто, сухо и, что самое главное, — никого из посторонних.

Я села на койку и уставилась в потолок.

Неделя. У меня есть неделя, чтобы починить этот автомобиль. И есть неделя, чтобы не попасться.

А барин Дмитрий Ильич... от его взгляда у меня до сих пор бежали мурашки по спине.

Кажется, я влезла в историю, из которой будет непросто выпутаться.

Глава 9

Оказавшись этой ночью в относительной безопасности каморки при гараже некоего доброго барина, я, наконец, смогла предаться своим раздумьям.

Кирюха спал на соседней койке и мирно сопел. Ко мне сон не шёл по понятным причинам: слишком много невероятного и невозможного произошло со мной, Светланой Гавриловой, с того момента, как я покинула злополучную съёмочную площадку.

Вероятно, авария с мотоциклом закончилась для меня смертельным исходом, а моя душа, по какому-то странно-му стечению обстоятельств, оказалась в теле совсем юной девушки Арины, которая, по всей видимости, побежала топиться в омут, не выдержав измывательств мачехи и толстой сестрицы.

Что ж, предстояло разобраться, что делать дальше со всем этим, но сейчас я четко понимала, что у меня есть работа, а вернее срочный заказ, который может принести хорошие деньги, чтобы мы с Кирюхой смогли более менее устроиться в городе.

Я не заметила, как наступило утро. Гараж встретил меня запахом масла, металла и бензина — и я вдохнула этот воздух полной грудью, будто вернулась домой.

Мерседес 1908 года стоял передо мной, как огромный

спящий зверь. Темно-синий, с блестящими никелированными деталями, с длинным капотом и большими фарами. Он был прекрасен, но неподвижен.

Я скинула зипун, закатала рукава рубахи и полезла под капот.

Первым делом я заменила проводку. Провода здесь были старые, с перетертой изоляцией, кое-где оголенные — чудо, что машина вообще не загорелась. Я нашла в ящиках хороший медный провод, зачистила, заизолировала, проложила заново. Руки помнили эту работу — отец учил меня делать все аккуратно, на совесть.

Потом я взялась за карбюратор. Разобрала, прочистила каждое отверстие, продула жиклеры. Собрала обратно, проверила подачу топлива. В баке оказалась грязь и вода — пришлось сливать, промывать, заливать свежее топливо из канистры, которую я нашла в углу гаража.

К обеду машина уже подавала признаки жизни. Мотор чихал, кашлял, но не заводился. Я сидела на корточках перед радиатором, вытирала пот со лба и думала.

— Ну что, Мишка? — спросил Кирюха, который все это время крутился рядом, подавал инструменты и смотрел на меня с благоговением. — Скоро поедет?

— Не совсем, — сказала я, вставая и потягиваясь. Спина болела с непривычки, шея затекла, ладони саднили от масла. — Мелкое я починила. Теперь осталась главная проблема. Там внутри, в блоке, есть одна деталь... распределительный

вал. Он изношен. Без него мотор будет работать с перебоями, а потом и вовсе встанет.

— И чего? Надо новый?

— Надо. Но такого здесь не купишь. Придется делать.

Кирюха округлил глаза.

— Делать? Самому? Мишка, ты чего? Ты ж не кузнец!

— А вот и не угадал, — усмехнулась я. — В нашем краю меня отец и слесарному делу учил, и токарному. Здесь, в гараже, есть станок. Я видела. Старый, но рабочий. Если найти подходящий металл, я смогу выточить нужную деталь.

Кирюха почесал затылок.

— Ну ты даешь, Мишка. А я, может, в город схожу пока? А то сидеть без дела — с ума сойду.

— Иди, — махнула я рукой. — Только осторожно. Не болтай лишнего. И возвращайся к вечеру.

— Добре! — крикнул он уже на бегу и выскочил из гаража.

Я осталась одна. Подошла к станку — допотопному токарному агрегату с ременным приводом и чугунной станиной. Провела рукой по холодному металлу. Да, здесь можно было работать. Если найти хорошую заготовку.

Я уже начала разбирать двигатель дальше, когда услышала шаги. Кирюха вернулся быстрее, чем я ожидала — запыхавшийся, красный, с горящими глазами.

— Мишка! — выпалил он с порога. — Я Глашку встретил!

Я выпрямилась и уставилась на него.

— Глашу? Мою Глашу?

— Ну да! Она в городе, на рынке была. Я ее увидел, подошел, она меня признала. Ну и мы поболтали...

— И что она сказала? — спросила я, чувствуя, как сердце начинает колотиться быстрее.

Кирюха перевел дух, вытер рот рукавом и выпалил:

— Она говорит, мачеха твоя — злая баба, каких поискать! Как ты сбежала, она так осерчала, что всю прислугу перетрясла. Глашку, правда, не тронули, побоялись. Но объявили, что ты больна и уехала лечиться к родственникам в дальнюю губернию. И искать тебя не велели. Но это все вранье, конечно.

— А на самом деле?

— А на самом деле, — Кирюха понизил голос и подошел ближе, — они тебя ищут. Тайно. Мачеха наняла каких-то людей, чтобы тебя по городам и весям выслеживали. Боятся, что ты вернешься и правду расскажешь про наследство.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Наследство? А вот это уже кое-что!

Значит, мачеха не успокоилась и будет искать меня, пока не найдет.

— А еще, — Кирюха вдруг хитро прищурился и заулыбался, — еще Глаша сказала, что ты, Мишка, им всем нос утерла!

— В смысле?

— Ну, помнишь, ты им волосы дегтем облила? И мачеха твоя, и сестрица твоя сводная — они же все в локонах ходили, длинных, пышных. А как ты сбегала, им пришлось свои космы обкромсать. А тут бал намечается у Устиновых. А мачехе с сестрицей ужас как хочется туда попасть, — Кирюха хихикнул, — а вышло, что они обе лысые! И пришлось им обоим парики заказывать, потому что с короткими волосами на бал в высшем свете не пойдешь! Представляешь? Они теперь по всему городу парики ищут, а хорошие парикмахеры заняты, все готовятся к балу! И мачеха бежит, как ошпаренная кошка!

Я слушала и чувствовала, как внутри разливается тепло. Сначала недоверие, потом удивление, а потом — дикий, безудержный смех. Я расхохоталась в голос, откинув голову назад, и смех мой разнесся по гаражу, отражаясь от стен.

— Парики! — выдохнула я сквозь смех. — Господи, они заказывают парики! Я обрила голову, чтобы спрятаться, а они были вынуждены сделать то же самое, но очень боясь выпасть из светской жизни!

Кирюха тоже засмеялся, пританцовывая на месте.

— Вот так, Мишка! Теперь вся губерния будет знать, что у графини и ее дочки — парики на головах!

Я вытерла слезы, выступившие от смеха, и покачала головой. Какая ирония судьбы. Я спряталась за короткими волосами, а мои родственнички теперь вынуждены прятать свою лысину под чужими локонами.

— Ладно, — сказала я, глубоко вздохнув. — Это хорошая новость. Но нам нельзя расслабляться. Мачеха ищет меня. А мы здесь — под носом у местной знати. Если кто-то узнает...

— Да не узнает никто, — уверенно сказал Кирюха. — Ты ж парень теперь, Михаил. Никто не догадается.

Я посмотрела на свое отражение в никелированной фаре автомобиля. На меня смотрел худой, чумазый парень с короткими вихрами и острым взглядом. Даже я сама с трудом признавала в себе девицу.

— Ладно, — сказала я, поворачиваясь к мотору. — У нас есть работа, Кирюха. За неделю я должна починить эту машину. И мы получим деньги. Много денег. А потом... потом решим, что делать дальше.

Я взяла в руки ключ и полезла под капот.

Мерседес ждал. А в некой усадьбе Устиновых готовился бал, на который мачеха с сестрой придут в париках.

Жизнь, черт возьми, начинала налаживаться.

Глава 10

Четыре дня пролетели как один миг. Я почти не выходила из гаража — только спать, да и то урывками, когда руки начинали дрожать от усталости, а глаза слипались. Мерседес стоял передо мной, частично разобранный, и я собирала его заново, как сложный механический пазл.

Распределительный вал я выточила сама. Нашла подходящую болванку в куче металлолома за гаражом — старую ось от какого-то экипажа, из хорошей стали. Четыре часа у станка, скрежет резца, стружка, летящая в лицо, и ни одной лишней мысли — только металл, только размеры, только точность.

Когда я вставила готовую деталь в блок и вручную провернула коленвал, двигатель вздохнул. Он не завелся, но я слышала — он хочет завестись. Еще пара дней, и я заставлю его петь.

На третий день в гараж зашел барин.

Я услышала шаги — уверенные, неторопливые — и обернулась. Он стоял в проеме ворот, заложив руки за спину, и смотрел на меня с тем же любопытством, что и в первую встречу.

— Ну как, Михаил? — спросил он, проходя внутрь. — Продвигается?

— Продвигается, — ответила я, вытирая руки ветошью.

— Дня через три должен завестись.

— Дня через три, — повторил он, останавливаясь рядом с мотором. — Ты уверен?

— Если бы не был уверен, не брался бы.

Он хмыкнул, обошел машину кругом, заглянул под капот. Я стояла рядом, стараясь не напрягаться, но чувствуя, как он рассматривает мои руки, мои плечи, мою шею.

— Хорошая работа, — сказал он, наконец. — Аккуратная. За четыре дня ни один из моих механиков не сделал столько, сколько ты.

— Просто я знаю, что делаю, — пожала я плечами.

— Это видно.

Он задержался взглядом на моем лице — на миг дольше, чем следовало бы, — и я отвела глаза, уставилась в мотор.

— Я зайду через пару дней, — сказал он на прощание. — Жду с нетерпением.

И вышел.

Я облегченно выдохнула. Кирюха, который все это время сидел в углу и делал вид, что чистит свечи зажигания, поднял голову.

— Смотрит он на тебя, Мишка... — протянул он задумчиво.

— Не выдумывай, — оборвала я. — Он на механика смотрит. На работу.

— Ага, на механика, — хмыкнул Кирюха, но спорить не стал.

На четвертый день я уже регулировала зажигание. Осталось отладить подачу топлива, проверить сцепление, и можно будет пробовать заводить. Масло я поменяла, фильтры почистила, все резьбовые соединения протянула. Машина стояла передо мной, как новенькая — отмытая, собранная, готовая к жизни.

Я как раз затягивала последнюю гайку на карбюраторе, когда дверь гаража распахнулась и влетел Кирюха.

Он был бледный и запыхавшийся, будто бежал без остановки.

— Мишка! — выпалил он. — Мишка, беда!

— Что случилось? — я выпрямилась, чувствуя, как внутри холодеет.

— Бал! Помнишь, я тебе говорил про бал у Устиновых?

— Ну?

— Так он здесь будет! В этой усадьбе! Сегодня вечером!

Я застыла. Слова не сразу дошли до сознания.

— Как — здесь? — переспросила я медленно.

— А вот так! Я сейчас с кухаркой болтал, она сказала — барин наш, Дмитрий Ильич, он и есть барон Устинов! Усадьба эта — его! И сегодня у него бал! Самый большой в губернии! И туда приедут все — все знатные люди из округи! И твоя мачеха с сестрицей тоже!

Мир качнулся.

Я схватилась за край стола, чтобы не упасть. Барон Устинов. Дмитрий Ильич Устинов. Барин, для которого я рабо-

таю, чью машину я чиню, чей взгляд я чувствую спиной каждый раз, когда он заходит в гараж, — он и есть хозяин того самого бала?

Того самого бала, на который моя мачеха и сводная сестра так стремились попасть.

Того самого бала, где они будут в париках, потому что я облила им голову дегтем и сбежала.

И этот бал будет сегодня. Здесь. В этой усадьбе. Пока я стою в гараже в одежде парня, с маслом под ногтями и с сердцем, колотящимся где-то в горле.

— Мишка... — Кирюха дернул меня за рукав. — Что делать будем?

Я глубоко вздохнула. Посмотрела на Мерседес. Он стоял, поблескивая никелем, почти готовый к запуску.

— Ничего, — сказала я. — Мы будем делать то, что делали. Работать над машиной.

— А если они тебя увидят?

Я усмехнулась. Сняла кепку, провела рукой по коротким вихрам. Взглянула на свое отражение в фаре — чумазый парень в промасленной рубаше.

— Кирюха, посмотри на меня. Кто в этом гараже узнает барышню из благородной семьи? Я теперь Михаил. Механик. И сегодня вечером я буду занят. Очень занят. Ремонтом автомобиля.

— Мишка... — начал он, но я его перебила.

— А если они и заглянут сюда, — добавила я, — то увидят

только грязного парня, который возится в моторе. Им и в голову не придет, что это я.

Кирюха почесал затылок, но кивнул.

— Ладно. Ты главное не высовывайся.

— Я и не собиралась, — ответила я, поворачиваясь к Мерседесу. — У меня есть дело поважнее.

Я полезла под капот, стараясь унять дрожь в руках.

Сегодня вечером в этой усадьбе будет бал. И мачеха с сестрой будут там. А я — здесь, в гараже, практически рядом.

Кажется, судьба решила поиграть со мной в опасную игру.

Глава 11

Вечер тихо опустился на усадьбу. Из окон главного дома лился теплый желтый свет, слышалась музыка — скрипки, рояль, смех и звон бокалов. Я стояла у ворот гаража, вытирая руки промасленной ветошью, и смотрела, как мимо, шурша шелками и побрякивая украшениями, проходят гости.

Кареты одна за другой подъезжали к парадному входу. Лакеи распахивали дверцы, дамы в длинных платьях, с высокими прическами и веерами, ступали на усыпанную гравием дорожку. Мужчины во фраках и мундирах галантно подавали им руку.

Я сглотнула. Никогда в жизни я не видела такого: даже кинематограф не мог передать всего великолепия этого действия — живого и настоящего.

В моем времени такие балы остались только в книгах и фильмах. А здесь — вот, прямо передо мной. И я, девушка из двадцать первого века, стою в гараже, в одежде парня, с маслом под ногтями, и смотрю на это из-за угла, не веря в реальность происходящего.

— Мишка!

Я вздрогнула и обернулась. Кирюха — взлохмаченный, возбужденный, с горящими глазами — подбежал ко мне, запыхавшись.

— Мишка, я кое-что нашел! — зашептал он, дергая меня

за рукав. — Там, за оградой, у самого зала, дерево растет! Старый дуб! Ветки такие толстые, что хоть лежанку устрои-вай! И с него видно весь бал! Пошли, поглядим!

— Кирюха, я не могу, — сказала я, качая головой. — Мне надо машину доделывать. Осталось буквально пара деталей, и...

— Да брось! — перебил он. — Машина никуда не денет-ся! А бал — он сегодня, а завтра его уже не будет! Ты когда еще такое увидишь? Ну пожалуйста, Мишка! Я ж не пойду один, скучно!

Я колебалась. Работа и правда почти закончена — оста-валось только отрегулировать холостой ход и проверить за-жигание. Но внутри меня боролись два чувства: страх быть обнаруженной и жгучее, почти запретное любопытство.

— Ладно, — выдохнула я. — Веди.

Кирюха радостно рванул вперед, и я побежала за ним, ста-раясь ступать тихо и держаться в тени.

Дуб оказался огромным. Его ветви раскинулись широко, закрывая часть двора густой листвой. Мы забрались на ниж-нюю ветку, потом выше — и замерли.

Вид открылся потрясающий.

Прямо перед нами, в нескольких метрах, находилась тер-раса, выходящая из главного зала. Высокие стеклянные две-ри были распахнуты, и оттуда лился свет, музыка, голоса. Го-сти прогуливались по террасе, пили шампанское, смеялись. Дамы в роскошных платьях, мужчины во фраках — все это

было похоже на ожившую картину.

Я притаилась в листве, стараясь дышать тихо. Рядом сопел Кирюха, вцепившись в ветку.

— Гляди, гляди! — зашептал он, тыкая пальцем. — Вон они!

Я посмотрела в указанном направлении и увидела, как из зала на террасу выходит мужчина.

Высокий, широкоплечий, с непослушным русым вихром, падающим на лоб. Он обладал той мужественной, немного суровой внешностью, которая не нуждается в украшениях. Фрак сидел на нем идеально, но мне показалось, что он чувствует себя в нем неуютно: он то поправлял воротничок, то проводил рукой по волосам. Вид у него был раздосадованный.

— Александр, — прошептал Кирюха. — Я слышал, как служанки говорили. Это родной брат барона, из столицы приехал.

Я кивнула, не сводя глаз с незнакомца. Он стоял у перил, смотрел в сад и, кажется, о чем-то напряженно думал.

И тут из зала вылетела она.

Толстая, разодетая, как вульгарная кукла — в платье с таким количеством кружев и бантов, что оно напоминало свадебный торт. Лицо густо нарумянено. В ушах сережки невероятного размера. Она бросилась к красавчику и повисла на его руке, как репей.

— Александр! — пробасила она голосом, который, види-

мо, пытался звучать томно, но получалось скорее как у коровы, зовущей теленка. — Я приглашаю вас на танец!

Я мгновенно узнала ее. Это была моя сводная сестра.

Внутри у меня все перевернулось. Я вцепилась в ветку, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться.

Александр дернулся. Непроизвольно, резко — так, что она пошатнулась. От толчка парик на ее голове сдвинулся и начал медленно сползать набок, обнажая коротко остриженную, почти лысую макушку.

— Что это? — спросил он, глядя на парик с недоумением. На его лице отразилось сначала изумление, потом — понимание, и наконец — кривая усмешка.

Сестрица застыла, пытаясь одной рукой удержать парик, другой — вцепиться в его рукав. Лицо ее пошло красными пятнами.

— Послушайте, Софи, — сказал Александр, и голос его стал холодным и насмешливым. — По-хорошему отстаньте от меня, и я никому не скажу, что вы лысая.

Я зажала рот рукой, чтобы не расхохотаться в голос.

Он усмехнулся, аккуратно высвободил руку и, не оглядываясь, вернулся в зал.

Софи осталась одна на террасе. В свете ламп было видно, как она трясется от ярости. Она сдернула парик с головы, громко и грязно выругалась — так, что я удивилась, откуда барышня знает такие слова, — и принялась водружать его обратно, трясущимися руками.

— Ну что, Мишка? — зашептал Кирюха, давясь смехом.
— Хорошо мы устроились?

Я не ответила. Я смотрела, как Софи, кое-как поправив парик, гордо подняла голову и, чеканя шаг, ушла в зал — с таким видом, будто ничего не случилось.

Я перевела дыхание. Щеки горели, сердце колотилось, и я чувствовала, как внутри меня разливается странное, пьянящее чувство.

— Пойдем, — сказала я, трогая Кирюху за плечо. — Хватит на сегодня приключений. Надо машину доделывать.

Мы спустились с дерева и побежали обратно к гаражу, растворяясь в темноте сада.

А в усадьбе продолжал греметь бал. И где-то там, среди гостей, ходили моя мачеха и сестрица в париках, не зная, что я наблюдаю за ними из тени.

Глава 12

Сном этой ночью я решила пренебречь.

После того, что мы увидели с Кирюхой сидя на дереве, он вылетел из головы окончательно. Я вернулась в гараж, зажгла керосиновую лампу и полезла в мотор. Руки делали свое дело, а мысли крутились вокруг одного: завтра я заведу эту машину. Чего бы мне это ни стоило.

Ночь пролетела незаметно. Я регулировала зажигание, проверяла подачу топлива, настраивала холостой ход. К расцвету Мерседес стоял передо мной — собранный, чистый, готовый к жизни.

Я вытерла руки ветошью, отошла на шаг, оглядела его. Темно-синий, с блестящими никелированными деталями, с длинным капотом и большими фарами. Красавец.

— Ну что, — сказала я вслух, — давай будем заводиться.

Я села за руль. Ключ зажигания повернулся с приятным щелчком. Я вытянула подсос, нажала на педаль газа, провернула пусковой рычаг.

Двигатель чихнул, кашлянул, выпустил клуб дыма — и заурчал.

Ровно. Уверенно. Мощно.

Я откинулась на спинку сиденья и выдохнула. Получилось.

Мерседес работал. Я починила его.

В груди разлилось тепло — не столько от гордости, сколько от странного чувства родства с этой машиной. Мы обе были здесь чужими: она — чужестранка, я — персонаж из другого времени.

Я выключила мотор, проверила уровень масла, воды, топлива. Все было в порядке. Решив выпустить пар, я вывела машину из гаража, включила первую передачу и плавно нажала на газ.

Мерседес послушно покатился по гравию аллеи.

Утро было ранним — часов пять-шесть утра, не больше. Солнце только начинало подниматься, роса лежала на траве, туман стелился по земле. Ни души. Усадьба спала после ночного бала, гости разъехались или разбрелись по комнатам, слуги еще не начали свою работу.

Я выехала на главную аллею — широкую, прямую, идеально подходящую для того, чтобы разогнаться, и нажала на газ.

Мотор взревел. Машина рванула вперед так, что меня вдавило в сиденье. Новая деталь — тот самый распределительный вал, который я выточила на станке — работала безупречно. Разгон был быстрее, чем можно было ожидать. Гораздо быстрее.

Ветер ударил в лицо, засвистел в ушах. Я забыла, что я — девушка, переодетая парнем. Забыла, что я — беглянка, которую ищут. Забыла про бал, про Софи с ее париком, про мачеху, про все. Остались только я, дорога и скорость.

Я рассмеялась, летев навстречу ветру, навстречу свободе.

И вдруг из-за поворота, прямо перед машиной, выскочил человек.

Я ударила по тормозам что было силы. Мерседес взвизгнул, его занесло, гравий брызнул из-под колес. Меня бросило вперед, я вцепилась в руль, пытаюсь удержать машину.

Автомобиль остановился в нескольких сантиметрах от мужчины.

Он стоял передо мной, широко расставив ноги, с перекошенным от гнева лицом. На нем была та же рубашка, что и вчера вечером — расстегнутая на груди, рукава закатаны. Русые волосы растрепаны, вихор торчит непослушно, под глазами тени — видно, что он тоже не спал.

Я узнала его мгновенно. Красавчик с террасы, Александр — брат барона.

Он шагнул вперед, ударил ладонью по капоту и прорычал: — Кто ты такой?! И кто тебе разрешил гонять на моей машине?!

Я застыла в недоумении.

Моей машине?

Мерседес принадлежал ему? Не барину, не барону Устинову, а этому взъерошенному красавцу, который сейчас смотрел на меня так, будто готов был разорвать на части?

Я сглотнула. Сняла руки с руля, подняла их в примирительном жесте.

— Я... э-э... механик, — сказала я, стараясь говорить

спокойно и низко, чтобы голос не выдал меня. — Меня бэрин нанял. Дмитрий Ильич. Сказал, машину нужно починить. Я ее починил. И... решил проверить, как она едет.

Александр сощурился. Он обошел машину спереди, приблизился к моему окну. Теперь он стоял вплотную, и я могла разглядеть каждую черточку его лица: острые скулы, твердую линию челюсти, глаза — серо-голубые, как утреннее небо перед грозой.

— Механик? — переспросил он, окидывая меня взглядом с головы до ног. — Сколько тебе лет, механик?

— Восемнадцать, — ляпнула я, не зная даже, сколько же мне лет на самом деле.

— И ты починил мою машину? Один?

— Один, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Он замолчал. Посмотрел на капот, из-под которого все еще доносился ровный, уверенный гул двигателя. Посмотрел на мои руки — в масле, с мозолями, с порезами от металла. Потом снова на мое лицо.

— Вылезай, — сказал он коротко.

Я замешкалась на секунду, но потом открыла дверь и вышла. Я была ниже его на полголовы, и это раздражало — приходилось смотреть снизу вверх, что делало меня уязвимой.

Он подошел к капоту, поднял его, заглянул внутрь. Я стояла рядом и смотрела, как он изучает мотор. Он не выглядел знатоком — скорее, просто проверял, не наломал ли я дров.

— Заменил проводку, прочистил карбюратор, поменял масло, — сказала я, решив взять инициативу в свои руки. — Самая большая проблема была в распределительном валу. Старый был полностью изношен. Я выточил новый на станке в гараже. Из старой оси от экипажа. Подогнал по размерам. Теперь работает.

Он поднял на меня взгляд. В нем мелькнуло что-то — сначала недоверие, потом удивление, потом странное, почти уважительное выражение.

— Ты выточил новый вал? — переспросил он. — Сам? На станке?

— Ну не на дереве же, — огрызнулась я и тут же прикусила язык.

Он уставился на меня. Молча. Долго. Так долго, что я начала нервничать.

— Как тебя зовут? — спросил он, наконец.

— Михаил, — сказала я, глядя ему прямо в глаза.

— Ну что ж, Михаил, — он захлопнул капот и вытер руки о штаны. — Ты либо гений, либо сумасшедший. В любом случае, я хочу это проверить.

Он обошел машину, открыл пассажирскую дверь и сел рядом с водительским местом.

— Садись, — сказал он. — Покажи, на что она теперь способна.

Я замерла.

— Прямо сейчас?

— А что, у тебя есть дела поважнее?

Я посмотрела на него. На его уверенную усмешку, на руки, сложенные на груди, на этот непослушный вихор, который падал на лоб.

У меня было полно дел. Но, кажется, отказывать этому человеку было опасно.

Я села за руль. Мерседес взревел, и мы рванули с места, поднимая клубы пыли за собой.

Утро только начиналось. И судя по всему, скучным оно не будет.

Глава 13

Кабинет Дмитрия Ильича пропах табаком и воском. Тяжелые портьеры были раздвинуты, и утреннее солнце золотыми полосами ложилось на паркет, на полированную поверхность письменного стола, на корешки книг в дубовых шкафах. В камине догорали последние поленья — ночь выдалась прохладной, и слуги еще не успели вычистить золу.

Александр вошел без стука. Он был возбужден, глаза горели, на губах играла мальчишеская улыбка. Рубашка, мятая после бессонной ночи, заправлена кое-как, волосы взлохмачены встречным ветром.

Дмитрий Ильич сидел за столом, перебирая бумаги. Он был на пять лет старше брата — подтянутый, с аккуратной прической и холодным, цепким взглядом. Он поднял голову, окинул Александра оценивающим взглядом и отложил перо.

— Я слышал, ты катался по аллее с мальчишкой-механиком, — сказал он без предисловий. — На машине.

— Мой Мерседес работает, — ответил Александр, плюхаясь в кресло напротив стола. Он закинул ногу на ногу, откинулся на спинку, довольно потянулся. — Его починили, представляешь? Этот мальчишка просто гений. Выточил деталь, которой нигде в округе не найдешь. Мотор теперь поет, как соловей.

Дмитрий Ильич загадочно улыбнулся.

— Я помню, что нанял механика. Значит, ему все-таки удалось справиться с твоим автомобилем.

— Главное, ты посмотри, как он держится, — усмехнулся Александр. — Морда перемазана маслом, руки в мозолях, а глаза — умные. Я прокатился с ним — ведет машину лучше любого из наших шоферов. И мотор слушается его, как собака.

— Похвала из твоих уст — редкость, — заметил Дмитрий, пристально глядя на брата. — Обычно ты находишь недостатки во всем и во всех.

— Обычно мне есть что находить, — парировал Александр. — Но не в этом случае. Машина работает идеально. Я доволен.

Дмитрий помолчал. Он взял в руки лист бумаги, повертел его, словно раздумывая, стоит ли начинать этот разговор. Потом положил его обратно, сложил руки на столе и посмотрел брату прямо в глаза.

— Раз ты в таком хорошем расположении духа, Саша, поговорим о деле.

Александр насторожился. Он знал этот тон. Он означал, что сейчас будет что-то неприятное.

— О каком деле?

— О завещании отца, — спокойно ответил Дмитрий. — Ты помнишь, что сейчас август?

— Я в курсе, какой месяц, — огрызнулся Александр, но в его голосе уже не было прежней беззаботности.

— До конца декабря ты должен жениться, — продолжал Дмитрий, не повышая голоса. — Таково условие. Как младший сын, ты вступаешь в права наследства только после того, как обзаведешься семьей. Отец был непреклонен в этом вопросе. Ты знал об этом.

— Знал, — буркнул Александр, отводя взгляд.

— И ты еще не определился с невестой, — это был не вопрос, а констатация факта.

В кабинете повисла тишина. Александр молчал, барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Дмитрий ждал.

— Я не собираюсь жениться только ради того, чтобы получить наследство, — сказал, наконец, Александр, и голос его зазвучал жестко. — Это унижительно. Для меня, для девушки, для всех.

— Ты можешь выбрать ту, которая тебе по сердцу, — резонно заметил Дмитрий. — Никто не требует, чтобы ты брал в жены первую встречную.

— А если я не хочу выбирать вообще? — Александр подался вперед, упершись локтями в колени. Глаза его сверкнули упрямством. — Если я не хочу жениться по завещанию, как по приказу?

Дмитрий вздохнул. Этот разговор повторялся уже не в первый раз, и каждый раз заканчивался одним и тем же — брат уходил, хлопнув дверью, и возвращался к своим безумным идеям.

— У тебя есть три месяца, Саша, — напомнил он. — Если

до конца декабря ты не представишь мне невесту, наследство перейдет ко мне. Полностью. И я не смогу тебе помочь — таковы условия. Ты останешься без гроша.

— А что мне твое наследство? — вдруг усмехнулся Александр, и в его улыбке мелькнуло что-то азартное, почти безумное. — Знаешь, брат, мы с друзьями поспорили. Устроим гонки. Вернее, автопробег — до столицы и обратно. На спор. Если я выиграю — я отказываюсь от наследства. Совсем. Мне хватит моего выигрыша и машины.

Дмитрий Ильич поднял бровь. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнула тень интереса.

— И что будет, если проиграешь?

— Если проиграю, — Александр развел руками и ухмыльнулся, — тогда я женюсь. На любой, которую ты мне выберешь. Хоть на той нелепой толстухе в парике, которая вчера вешалась мне на шею. Слово даю.

Дмитрий медленно поднялся из-за стола. Он подошел к окну, остановился, глядя на аллею, где все еще виднелись следы от колес Мерседеса.

— Ты серьезно? — спросил он, не оборачиваясь.

— Абсолютно, — ответил Александр. — Гонки через две недели. Маршрут согласован, участники утверждены. Машина работает. Я выиграю, и мы закроем этот вопрос раз и навсегда.

Дмитрий обернулся. Он посмотрел на брата долгим, изучающим взглядом.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Будь по-твоему. Но если ты проиграешь — я выберу невесту сам. И ты примешь мой выбор, каким бы он ни был. Ты дал слово.

— Давал и не отказываюсь, — ответил Александр, поднимаясь.

Он хлопнул брата по плечу, уже собираясь уходить, как вдруг оба замерли.

В углу кабинета, у камина, послышалось легкое движение. Застывший, пытающийся стать невидимым силуэт — человек, который чистил камин и все это время стоял там, прижавшись к совку и щеткой в руках.

Истопник.

Он замер, глядя на братьев круглыми от испуга глазами. Он слышал всё, каждое слово: про наследство, про гонки, про невесту, про толстуху в парике.

Дмитрий Ильич нахмурился.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он ледяным тоном.

— Камин чищу, ваше благородие, — пролепетал истопник, трясаясь всем телом. — Я каждое утро чищу. Я не специально, я никому не скажу, я...

— Вон, — коротко сказал Дмитрий, и истопник вылетел из кабинета пулей, забыв закрыть за собой дверь.

Александр проводил его взглядом и усмехнулся.

— Еще один свидетель, — сказал он, пожимая плечами. — Теперь вся усадьба будет знать, что я собираюсь гонять до столицы.

— Тем более у тебя есть стимул не проиграть, — холодно ответил Дмитрий. — Иди, Александр. У тебя впереди две недели.

Александр вышел, насвистывая какой-то мотив.

А в коридоре, прижавшись к стене, стоял истопник. Он переводил дыхание и лихорадочно соображал: кому первому рассказать эту новость — поварихе, что дружит с горничной баронессы, или кучеру, который треплется с лакеями гостей?

Тайна, которую он только что услышал, стоила дорого. И он намеревался продать ее как можно выгоднее.

Глава 14

Гараж встретил меня запахом масла, бензина и разогретого металла. Я стояла у верстака, перебирая инструменты, делая вид, что занята делом, но на самом деле просто ждала.

Сердце от ликования бешено колотилось: я сделала это!

Я починила Мерседес. Мало того — я прокатила на нем самого хозяина, и он остался доволен. Я видела это по его глазам, по тому, как он улыбался, когда мы летели по аллее, как ветер трепал его волосы, как он смеялся — звонко, по-мальчишески, забыв о своей важной барской осанке.

Но сейчас я снова была просто наемным работником — мальчишкой-механиком, который ждет расчета.

Я вытерла руки о промасленную тряпку и покосилась на дверь. Солнце уже поднялось высоко, в щели гаража пробились золотые лучи, в которых плясали пылинки. Где-то во дворе кричали петухи, перекликались слуги. Жизнь усадьбы шла своим чередом.

А я стояла и ждала, когда решат мою судьбу.

Шаги я услышала за минуту до того, как они появились. Двое. Уверенная поступь Дмитрия Ильича и легкая, пружинистая — Александра.

Дверь распахнулась, и они вошли.

Дмитрий Ильич был при полном параде — сюртук, жилет, часы на цепочке. Он окинул гараж хозяйским взглядом,

остановился на Мерседесе, который стоял посередине, сияя никелированными деталями, и удовлетворенно кивнул.

Александр был одет проще — рубашка с расстегнутым воротом, легкие брюки, сапоги. Он смотрел не на машину, а на меня. И от этого взгляда мне стало не по себе.

— Ну что ж, Михаил, — начал Дмитрий Ильич, подходя к машине и проводя рукой по капоту. — Ты справился даже раньше обозначенного срока. Я доволен.

Я выпрямилась, стараясь выглядеть уверенно.

— Рад стараться, ваше благородие, — сказала я, стараясь говорить низко, как учил Кирюха.

— Машина работает безупречно, — продолжал барин. — Брат мой нахваливает тебя. Говорит, что ты не просто починил, а улучшил ее.

Я покосилась на Александра. Тот стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с кривой усмешкой.

— Машина теперь летает, — подтвердил он. — А не ездит.

— Так что насчет оплаты? — спросила я, решив не тянуть кота за хвост. — Я свое дело сделал. Условия мы оговаривали — оплата по завершении заказа.

Дмитрий Ильич полез во внутренний карман сюртука, достал кожаный портмоне, вытащил несколько купюр.

— Тридцать рублей, — сказал он, протягивая деньги. — За неделю работы. Ты заслужил.

Я взяла деньги, пересчитала, сунула в карман штанов. Тридцать рублей. Неплохо. Надеюсь, хватит, чтобы снять комнату в городе на месяц и купить Кирюхе новые ботинки.

— Благодарю, — сказала я и шагнула к выходу. — Счастливо оставаться.

Но не успела я сделать и двух шагов, как Александр шагнул вперед и преградил мне путь.

— Куда это ты собрался? — спросил он, приподняв бровь.

— Дела у меня, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Работа закончена. Я свободен.

— Свободен? — Александр усмехнулся. — А кто мне машину в порядке держать будет? Ты думаешь, я отпущу такого механика просто так?

Я нахмурилась.

— Я нанимался на конкретную работу. Я ее сделал. Все.

— А я предлагаю тебе другую, — сказал Александр, делая шаг ко мне. — Поступай ко мне на службу. Личным механиком. Жалованье — сорок рублей в месяц. Плюс стол и комната при усадьбе.

У меня перехватило дыхание. Сорок рублей? Да еще и стол, и комната...

Я заколебалась.

— Я... мне нужно подумать, — сказала я, отводя взгляд.

— О чем тут думать? — удивился Дмитрий Ильич. — Такое жалованье не каждый день предлагают.

— У меня есть... обязательства, — ответила я туманно.

— Я не один. Со мной брат, Кирюха. Он мне помогает. Я не могу его бросить.

Александр и Дмитрий переглянулись.

— Брат? — переспросил Александр. — Тот, что крутился здесь все эти дни? Белокрысы, с веснушками?

— Он самый, — кивнула я. — Я за него отвечаю. Куда я, туда и он.

— Это не проблема, — махнул рукой Александр. — Комната найдется и для вас двоих. Жалованье — сорок рублей. Работа — следить за машиной и держать ее в идеальном состоянии.

— И надолго это? — спросила я осторожно. — Постоянная служба?

Александр на мгновение замялся. Он покосился на Дмитрия, и в этом взгляде мелькнуло что-то такое, отчего у меня внутри все сжалось.

— Скажем так... временная, — ответил он, почесывая затылок. — Месяц-другой. Может, меньше.

— Временная? — переспросила я. — Это почему?

Дмитрий Ильич кашлянул, явно собираясь что-то сказать, но Александр опередил его.

— Потому что мне нужна будет машина в идеальном состоянии всего на несколько недель, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Мы тут с друзьями затеяли одно дело... Автопробег. Гонки, если хочешь. До столицы и обратно.

Я застыла.

Гонки?! Автопробег?! До столицы и обратно?!

В груди что-то встрепенулось, забилось, как птица в клетке. Азарт — дикий, пьянящий, почти забытый — ударил в кровь. Я вспомнила, как летела по аллее, как ветер свистел в ушах, как двигатель пел под моими руками. Как я смеялась от чистой, бешеной радости скорости.

— Гонки? — повторила я, и голос мой дрогнул. — На Мерседесе?

— На нем самом, — подтвердил Александр, и в его глазах зажглись веселые искры. — Мы уже все обговорили. Через две недели старт. Если я выигрываю — я решаю свои вопросы. Если проигрываю — ну, тогда мне механик точно не понадобится, так что работу ты либо теряешь, либо получаешь постоянную, в зависимости от исхода.

Он усмехнулся, но в этой усмешке я почувствовала что-то большее, чем просто шутку. Там была ставка: серьезная, рискованная.

И меня это зацепило.

Я посмотрела на него. На его взлохмаченные волосы, на горящие глаза, на эту мальчишескую, почти безумную улыбку. Я посмотрела на Мерседес, который стоял посреди гаража, как зверь перед прыжком.

Я думала о Кирюхе, о деньгах в кармане, о комнате в городе, о спокойной жизни, к которой мы так стремились.

А потом я подумала о скорости.

И поняла, что пропала.

— Я согласен, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но с условием: Кирюха едет со мной. Он будет моим помощником. Без него — никак.

Александр расплылся в улыбке.

— Договорились, — сказал он и протянул мне руку. — По рукам?

Я пожала его руку. Ладонь у него была теплая, сильная — и на мгновение я почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— По рукам, — ответила я. — Когда начинаем?

— Прямо сейчас, — сказал Александр. — Нужно проверить машину перед дальней дорогой. Составишь мне компанию?

Я посмотрела на Мерседес. На его блестящие фары, на длинный капот, на колеса, готовые рвануть с места.

— Составлю, — сказала я, и внутри меня что-то запело от предвкушения.

Мы вышли из гаража вместе, и я поймала себя на мысли, что всего час назад собиралась уехать из этой усадьбы навсегда. А теперь — теперь я еду на гонки.

Интересно, что бы сказала мачеха, если бы увидела меня сейчас?

Наверное, упала бы в обморок.

Я усмехнулась и села за руль Мерседеса. Жизнь, черт возьми, налаживалась.

Глава 15

Поезд мерно покачивался, стуча колесами на стыках. За окном проплывали темные силуэты деревьев, изредка — огоньки полустанков. Я сидела на жесткой полке вагона второго класса, прикрыв глаза, и чувствовала, как усталость разливается по телу теплой тяжестью.

Кирюха устроился напротив, поджав ноги и накрывшись своим потертым пальто. Он уже клевал носом, изредка вздрагивая и бормоча что-то во сне. Славный мальчишка. Всю дорогу от усадьбы до вокзала тащил мой инструментальный ящик, хотя я сто раз предлагала ему помочь.

Александр занял купе в спальном вагоне первого класса. Проводив нас до места, он извинился, сказал, что ему нужно обсудить кое-какие детали с попутчиками, и исчез за тяжелой дверью. Я не обижалась. В конце концов, он барин, а я — наемный механик. У нас разные вагоны. Разная жизнь.

Было принято решение, что шофёр Андрей доставит машину до города, где стартует автопробег, а мы отправимся на поезде, чтобы хорошенько выспаться перед началом гонок.

Поезд дернулся и замедлил ход. Остановка. Я выглянула в окно — какой-то маленький городок, название которого я не успела прочитать. На перроне было пусто, лишь несколько фигур спешили к вагонам.

— Спи, — шепнула я Кирюхе, который заворочался, раз-

буженный толчком. — Еще ехать долго.

Он что-то пробормотал и снова провалился в сон.

Я уже начала задремывать, когда дверь купе распахнулась с грохотом, и внутрь ввалилась компания.

Трое, нет — четверо мужиков. Пьяные, красномордые, в расстегнутых сюртуках, с галстуками набекрень. От них разило перегаром и табаком так, что я закашлялась.

— А вот и местечки! — рявкнул один из них, самый крупный, с толстой золотой цепью на жилете. — Я же говорил, найдем!

Он бесцеремонно сдернул с крючка мое пальто, бросил его на пол и плюхнулся на лавку рядом со мной. Вагон качнуло, и он чуть не свалился на меня, но я успела отодвинуться.

— Эй, любезный, — сказала я, стараясь говорить спокойно. — Здесь занято.

— Занято? — он уставился на меня мутными глазами. — Кем занято? Тобой, сопляком? А ну подвинься!

Остальные трое загоготали, рассаживаясь вокруг. Один из них, тощий, с редкими усиками, ткнул пальцем в Кирюху.

— А это еще что за цыпленок? Спит? Эй, малый, просыпайся, дай дяде посидеть!

Кирюха вздрогнул, открыл глаза и испуганно уставился на неожиданных гостей.

— Я... я здесь сплю, — пролепетал он.

— А я сказал — вон! — рявкнул тощий и схватил Кирюху за шиворот.

Дальше я действовала на автомате.

Моя рука метнулась вперед и перехватила его запястье. Резкий поворот — и тощий взвизгнул, отпуская Кирюху и хватаясь за вывернутую кисть.

— Руки убрал, — сказала я тихо, но так, что даже пьяные замолчали.

Толстяк с золотой цепью уставился на меня с удивлением, а потом расхохотался.

— Ого! Мальчик-то с характером! — он повернулся к своим. — Слышали? Он нам угрожает!

— Я сказал — освободите купе, — повторила я, вставая. — По-хорошему.

— Ах ты, щенок! — толстяк вскочил, замахиваясь.

Я ушла с линии удара, поднырнула под его руку и коротко ткнула локтем в солнечное сплетение. Он ойкнул, согнулся пополам, и я добавила коленом в челюсть — для верности.

Толстяк рухнул на пол, как мешок с картошкой.

Оставшиеся трое заорали и бросились на меня одновременно.

Я успела увернуться от первого, перехватить руку второго и дернуть так, что он врезался лбом в третьего. На секунду образовалась куча-мала, и я воспользовалась этим, чтобы вытолкать одного из них в коридор.

— Кирюха! — крикнула я. — Беги! Зови кого-нибудь! Кондуктора! Барина! Быстро!

Кирюха не заставил себя упрашивать. Он шмыгнул мимо

меня, перепрыгнул через лежащего толстяка и исчез в коридоре.

Я осталась одна против троих. И, признаться, мне это даже начинало нравиться.

Александр сидел в своем купе, попивая коньяк и слушая сбивчивый рассказ взволнованной девицы, которая случайно села не в тот вагон и теперь умоляла проводить ее к подруге. Он уже собирался ответить что-то галантное, когда дверь распахнулась и в купе влетел Кирюха.

— Барин! Барин! наших быют! — заорал мальчишка, запыхавшийся, бледный, с перекошенным от страха лицом.

— Что? — Александр вскочил, забыв про девицу. — Кого быют? Где?

— Михаила! В нашем вагоне! Там пьяные вломились, четверо! Они его быют!

Александр вылетел из купе быстрее, чем успел осознать происходящее. Сердце бешено колотилось. Он несся по коридору, перепрыгивая через чьи-то чемоданы, расталкивая зазевавшихся пассажиров.

«Михаила быют. Четверо на одного. Моего механика. Моего парня», — стучало у него в голове.

Он влетел в вагон второго класса как раз вовремя, чтобы увидеть, как какой-то толстяк размахивается, целясь в голову его механика, а тот — ловко уходит в сторону и бьет нападающего ногой в пах.

— Михаил! — крикнул Александр, бросаясь вперед.

Он врезался плечом в одного из нападающих, отшвыривая его в сторону. Кулак встретился с чьей-то челюстью — хруст, вскрик, и еще один противник осел на пол.

Александр встал рядом с механиком, тяжело дыша, и окинул взглядом поле боя. Трое лежали на полу и стонали. Четвертый, самый тощий, пятился к выходу, держась за разбитую губу.

— Есть еще кто? — спросил Александр, вытирая разбитый кулак.

Станный худой пацан, уложивший пару пьяных мужиков, какой-то слишком ловкий для мальчишки-механика, посмотрел на него и усмехнулся. Глаза его горели азартным огнем.

— Кажется, все, — ответил он, и голос его дрожал от возбуждения. — Спасибо, барин. Вовремя подоспели.

— Да брось, — Александр хлопнул его по плечу. — Ты и сам неплохо справлялся. Где ты так научился?

Паренёк смутился и отвел взгляд.

— Жизнь научила, — ответил он коротко. — В мастерской всякое бывало.

Александр хотел спросить еще, но подоспел кондуктор с парой здоровенных проводников, и началась разборка с пьяными дебоширами.

Только когда все утихло, и кондуктор уволок буйную компанию в другой вагон под охрану, Александр заметил, что

механик прижимает руку к боку и морщится.

— Ты ранен? — спросил он встревоженно.

— Пустяки, — ответил тот. — Ножом полоснули, когда я увернулся. Царапина.

— Покажи.

— Не нужно, барин.

— Я сказал — покажи, — Александр шагнул к нему и взял за руку. — Ты мой механик. Если ты не в форме, кто поведет машину на гонках?

Мальчишка поколебался, потом убрал руку. На рубашке, чуть ниже ребер, расплывалось темное пятно крови.

— Мать честная! — выдохнул Александр. — Да это ж надо перевязать! Пойдем ко мне в купе, там аптечка есть.

— Не стоит, барин, — попытался отказаться механик, но Александр уже тащил его за собой.

— Стоит, — отрезал он. — И прекрати называть меня ба-рином. Я Александр. Для своих — просто Саша. Ты теперь в моей команде, а значит — свой.

Паренёк поднял на него глаза — и Александр снова поймал себя на мысли, что взгляд у него слишком умный и глубокий для простого мастерового.

— Хорошо, Саша, — сказал тот тихо.

И в голосе его послышалось что-то такое, от чего у Александра по спине пробежали мурашки.

Он отогнал странное чувство и повел механика в свое купе, на ходу прикидывая, сколько еще сюрпризов преподнесет

ему этот удивительный парень, который чинит машины лучше любого столичного инженера и дерется как заправский уличный боец.

Глава 16

Александр тащил меня за собой по коридору, и я проклинала все на свете. Кровь пропитала рубашку, противно липла к коже, и каждый шаг отдавался пульсирующей болью в боку. Но это было полбеды.

Главная беда была в том, что он вел меня в свое купе, в спальный вагон, где я, если понадобится раздеться, буду раскрыта в две секунды.

— Садись сюда, — скомандовал Александр, вталкивая меня в купе и указывая на диван. — Сейчас я достану аптечку.

Я замерла на пороге, лихорадочно соображая. В купе горел мягкий желтоватый свет, на столике стоял недопитый коньяк, на вешалке висел его сюртук. Пахло дорогим одеколоном и табаком.

— Я... я не могу, — выдавила я, пятясь.

— Чего? — Александр обернулся, уже открыв саквояж. — Ты чего встал? Проходи, давай. Надо рану обработать, пока заражение не началось.

— Я сам, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Я сам справлюсь. Мне только бинты нужны и вода. И... и Кирюха пусть поможет.

Александр уставился на меня с недоумением.

— Ты чего, Михаил? Стесняешься, что ли? Мы оба муж-

чины, чего там...

— Я стеснительный, — ляпнула я первое, что пришло в голову. — Очень. С детства. Не могу, когда кто-то чужой на меня смотрит без одежды. Мне Кирюха поможет, он привычный.

Я говорила это и чувствовала, как краснею. Хорошо хоть, в полумраке купе этого не видно.

Александр смотрел на меня несколько секунд, и я боялась, что он начнет задавать вопросы. Но он лишь пожал плечами.

— Ну, как хочешь. Странный ты парень, однако. — Он порывлся в саквояже и протянул мне бутылек с йодом, бинты и чистую тряпицу. — Держи. Вода в графине, на столике. Если что — я в коридоре покурю.

— Спасибо, — выдохнула я с облегчением.

Он вышел, прикрыв за собой дверь, и я наконец-то смогла вздохнуть свободно.

— Кирюха, — позвала я. — Иди сюда, помоги.

Мальчик, который все это время стоял в углу, бледный и перепуганный, подошел ко мне.

— Миха, у тебя кровь... — прошептал он.

— Знаю. Давай, раздевай меня. Только быстро.

Я стянула пропитанную кровью рубашку, шипя от боли, когда ткань отлипла от раны. Кирюха ахнул, увидев порез — длинный, но неглубокий, к счастью. Просто сильно кровото-чил.

— Как это ты так, Миха? — спросил он, принимаясь про-

мывать рану водой.

— Ножом полоснули, когда я увернулась, — ответила я, стараясь не дышать глубоко. — Ловкач какой-то нашелся. Ты бинтуй туже, чтобы кровь остановить.

Кирюха старательно перебинтовал мне бок, то и дело шмыгая носом. У него дрожали руки, но он держался молодцом.

— Готово, — сказал он наконец. — Больно?

— Терпимо, — соврала я. На самом деле саднило прилично, но не смертельно.

Я натянула чистую рубашку, которую нашла в своем вещевом мешке.

— Ну как я выгляжу?

— Как обычно, — шмыгнул носом Кирюха. — Как парень.

— Отлично. Зови барина.

В дверь постучали, и через минуту вошел Александр, стряхивая пепел с пальто.

— Ну что? — спросил он, окидывая меня взглядом. — Перевязался?

— Все в порядке, — ответила я, надевая маску уверенного механика. — Спасибо за помощь.

— Да не за что, — он помялся, потом кивнул на диван. — Слушай, Михаил. У вас там в вагоне сейчас разгром, духотища и пьяные еще могут на остановках подсесть. Нечего вам там делать. Оставайтесь здесь.

— Здесь? — переспросила я, чувствуя, как сердце ухает куда-то вниз.

— Ну да. Места достаточно, — он указал на широкую полку спального вагона, которая и впрямь была размером с небольшой диван. — Я могу проводить вас в купе к начальнику поезда, но там тоже тесно. А тут валетом ляжете — и нормально.

— А вы? — спросила я, чувствуя, как щеки снова начинают гореть.

— А я в купе к знакомому пойду. У меня тут есть один приятель, мы с ним в картишки режемся по ночам. Так что вы располагайтесь, не стесняйтесь.

Я хотела отказаться, но Кирюха уже смотрел на мягкую полку с таким вожелением, что у меня язык не повернулся сказать "нет".

— Спасибо, — сказала я коротко.

— Ночуйте спокойно, — Александр взял с вешалки сюртук, накинул на плечи и вышел, задержавшись на мгновение в дверях. — И, Михаил...

— Да?

— Молодец. Хорошо дерешься. Я таких ценю.

Он улыбнулся, и от этой улыбки у меня внутри что-то дрогнуло. Потом дверь закрылась, и мы остались одни.

Я выдохнула, прислонившись спиной к стене.

— Ну и денек, — сказала я Кирюхе.

Мальчик уже стаскивал ботинки, готовясь забраться на

полку.

— Миха, — спросил он, прикусывая губу. — А ты не боишься, что он узнает?

— Узнает что?

— Ну... что ты не Михаил.

Я помолчала, глядя на темное окно, за которым проносились мимо огоньки каких-то деревушек.

— Боюсь, — призналась я честно. — Но у нас нет выбора. Нам нужны эти деньги, Кирюха. И эта работа. Так что придется держать язык за зубами и делать вид, что я парень.

Мы улеглись на полку — валетом, ногами в разные стороны. Полка была широкая, мягкая, пахло чистым бельем и дорогим табаком. Кирюха прижался ко мне спиной и почти сразу засопел, проваливаясь в сон.

Я же лежала с открытыми глазами, глядя в потолок и прислушиваясь к перестуку колес. Бок ныл, мысли путались.

«Что я делаю? — думала я. — Еду с чужим человеком на гонки, изображаю из себя парня, ввязываюсь в драки».

Но где-то в глубине души, под страхом и усталостью, жило другое чувство.

Азарт! Скорость! Свобода!

— Я справлюсь, — прошептала я во тьму и закрыла глаза.

Поезд мчался в ночь, увозя меня навстречу приключению, о котором я никогда не мечтала.

Глава 17

Город встретил нас гомоном, бензиновой гарью и треском кинокамер.

Я стояла на перроне, сжимая в руке кожаную сумку с инструментами, и чувствовала, как от предвкушения у меня покалывает кончики пальцев. Вокзал гудел, как растревоженный улей. Мимо сновали пассажиры, носильщики с тележками, какие-то чиновники в форменных фуражках. Но главное было не здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.